

ИОСИФ И АСЕНЕТ

Н.В. Брагинская

НЕСКОЛЬКО ВВОДНЫХ СЛОВ К АПОКРИФУ “ИОСИФ И АСЕНЕТ”

Среди иудеев, живших в эллинистическом Египте, библейская история Иосифа Прекрасного была популярна. Это не только очень яркая новелла, это история об иудее, который после череды страданий и испытаний его верности Богу достиг высокого положения при дворе египетского царя и смог в голодные годы дать приют и спасение Израилю. Он мог быть героем для диаспоры. О жизни этого патриарха писали по-гречески Артапан и Филон, а безымянные переводчики переводили на греческий безымянных авторов “Истории Иосифа”, “Молитвы Иосифа”, “Завещания Иосифа” и других произведений.

Одно из написанных по-гречески, но на основе более ранней семитской традиции¹ сочинений, условно именуемое “Иосиф и Асенет” (далее – ИА), разворачивает в целую повесть несколько стихов Книги Бытия (41:45, 50, 52; 46:20), в которых скупо сообщается, что Иосиф женился на дочери гелиопольского жреца Пентефрея, и та родила Ефрема и Манассию.

Другие сочинения, где история брака Иосифа была бы в центре, если и были написаны, до нас не дошли. Но нам известно, что существовали – возможно, устные – истории об Асенет, согласно которым она была дочерью хозяина Иосифа Потифара (Пентефрей – одна из греческих передач того же имени). Такая история максимально драматизировала брак Иосифа: он женился на дочери той самой женщины, которая пыталась его соблазнить, а потерпев неудачу, – оклеветать и казнить руками мужа².

Следы истории Асенет, отличной от нашей, обнаруживаются в греческих, сирийских и арамейских источниках начиная с III в. н. э.³ и могут быть прослежены далее в истории Юсуфа и Зулейки, где Зулейка объединяет в себе черты коварной жены Потифара и раскаявшейся и обратившейся в истинную веру красавицы Асенет.

Но апокриф, о котором идет сейчас речь, – сочинение совершенно иного плана, и драматизм такого рода ему чужд. Пентефрей здесь – это, так сказать, “однофамилец”, а безымянная мать Асенет в повести никак не участвует, вернее, она совершает всего одно действие: подымается в покой дочери и ведет ее вниз, чтобы та приветствовала посетившего дом Иосифа.

Напряжение нашей повести в другом. По-видимому, женитьба патриарха Иосифа на язычнице, не просто предосудительная, но непосредственно запрещенная Авраамом и Иаковом (Быт 24:3; 28:6), требовала объяснения, причем объяснения, которое решало бы проблему, важную для диаспоры с точки зрения религиозного закона, – проблему брака с иноплеменными женщинами. История любви и обращения египтянки в веру Иосифа как раз и предлагает решение этой проблемы.

Это было не единственное возможное решение, другое также засвидетельствовано в еврейской традиции: Асенет отождествляется с дочерью Дины, сестры Иосифа. Чудесно спасенного младенца удочеряет египетский жрец, но ее еврейское происхождение обнаруживается, когда Дина, пришедшая в Египет вместе со всем Израилем, находит памятные вещицы своего младенца. Таким образом, Асенет оказывается женой Иосифа в соответствии с требованием Закона, и драматическое обращение просто не нужно⁴.

Вероятнее всего повесть написана в Египте для грекоязычных евреев диаспоры, хотя нельзя исключить и другого города восточного Средиземноморья, где была достаточно крупная еврейская община.

Посвященная любви и браку Иосифа история вышла похожей на любовный роман: развернутое описание божественной красоты героев – ничего подобного нет в библейской традиции, – упоминание состязания лучших юношей за право стать женихом живущей в неприступной башне красавицы-мужененавистницы,

затем любовь с “первого взгляда”, описание сначала надменного отвержения любви, а затем любовной болезни; знатный соперник, коварные козни и счастливое под конец воссоединение супругов и т. д. Все эти и другие романские черты присутствовали в ветхозаветном апокрифе, когда известные нам греческие любовные романы, скорее всего, еще не были написаны. Поэтому датировка ИА и вопрос о том, какое сочинение было первым любовным романом по-гречески, а следовательно, и проблема происхождения романа оказались связаны.

ИА описывали как назидательную притчу (wisdom tale), роман-поучение (sapiential novel), аллегорический роман, “роман с ключом”, роман, в котором находят свое выражение египетская астрология или мистика Меркавы или Чертогов, и т. д.

И все-таки, хотя об ИА нередко говорится как о романе, это роман sui generis. Сакральные элементы занимают в нем авансцену, что же касается элемента любовного, то о нем можно сказать двояко: что он отодвинут на задний план и подчинен сакральному или что он-то и священен, поскольку брак Иосифа и Асенет происходит и на человеческом уровне, и одновременно на космическом и символическом и имеет непосредственное отношение к спасению мира.

Несмотря на удивительную цельность и небольшой размер, ИА – произведение многосоставное. В нем есть и типично сказочная экспозиция, большие поэтические псалмы и изощренно риторически и поэтически построенные молитвы, короткие драматические диалоги, детальные описания облика и одеяния главных героев, а также башни, чертогов и сада, стилизация библейского исторического повествования, интриги и погони и уникальная апокалиптическая сцена.

Откровение в этой сцене происходит во время мистериально-посвящения, в котором участвуют два “разряда” чудесных пчел, репрезентирующих, видимо, ангелов и/или священников. Во всей мировой литературе нет этому подобия.

И другая черта этой сцены удивительна: откровения всегда рассказываются от имени того, кому они были даны, здесь же автор оказывается как бы свидетелем того, чего никто не мог видеть, – посвящения в мистирию и откровения посвящаемому.

Только здесь, за исключением Откровения Иоанна, спасение человечества наступило в настоящем, и, в отличие от всех апокалипсисов, здесь нет описания “массовой” гибели грешников или их окончательного осуждения. Единственный целиком отрицательный герой повести – сын фараона – гибнет, но гибнет помилованный и прощенный.

ИА отличается от большинства апокрифов великодушным светлым настроением и особого рода литературным совершенством: свежестью и цельностью при многообразной и разветвленной опоре на библейскую традицию.

В контексте еврейской литературы египетской диаспоры ИА предстает одним из сочинений иосифического цикла, в ряду так называемых мидрашистских “переписываний Библии” (rewritten Bible) и иудео-эллинистической апокалиптики. В этом контексте история любви является элементом случайным.

Если же рассматривать ИА на фоне эллинистической повествовательной прозы восточного Средиземноморья, особенно в сопоставлении с греческим романом, то ИА вписывается в этот ряд, и неясным остается только вопрос о том, кто объект, а кто субъект влияния.

В решение этого вопроса обычно вмешиваются неявные установки, а именно представление о превосходстве той или иной культуры, которую соответственно и признают “влиятельной”.

Обычно влиятельной признается античная литература. Последние 30 лет – от С. Уест до П. Эйхирни-Кролл – ИА считают периферийным греческим романом⁵, построенным из античного материала мотивов, сюжета, приемов, образов. Комментарий К. Бурхарда указывает на целый ряд параллелей ИА и античных романов: 67 отсылок к “Метаморфозам” Апулея, 40 – к “Херею и Каллирое” Харитона, 25 – к “Таброкому и Антии” Ксенофонта Эфесского⁶.

Но и прежде произведения этих подсчетов Харитон и Апулей обратили на себя наше внимание тем, что ИА имеет с этими романами не схожие мотивы, а более крупные общие характеристики⁷.

“Иосиф и Асенет” – это единственная в библейской и околобиблейской литературе историческая повесть, которая целиком

посвящена всем этапам отношений идеальной пары от заочного отвержения до любви с первого взгляда, испытаний и брака; “Херей и Каллироя” – это единственный сохранившийся греческий любовный роман, имитирующий историческую повесть. Каждый в своем контексте, ИА и “Херей и Каллироя” исключительны по разным основаниям, но в результате только эти два произведения являются одновременно историческими и любовными “романами”⁸.

С “Метаморфозами” ИА объединяет другая и тоже исключительная черта: это романы обращения. Роман Апулея не является любовным в целом, но устройство его, как известно, двусоставно, и в центре находится любовный роман, в котором Психея проходит через преисподнюю и в котором совпадают любовь и обретение бессмертия, любовь к супругу и любовь к божеству. Это, конечно, история Купидона и Психеи.

Как ИА, так и “Метаморфозы” двуплановы. Роман Апулея содержит в себе сказку о браке Души-Психеи с богом любви, которая должна что-то объяснить нам в замысле всего романа и преобразования Луция. В истории патриарха и прекрасной египтянки также в центре помещена сцена посвящения героини в мистерии Всевышнего и откровение о будущем мира и роли Асенет как Града убежища для всех обратившихся. Это второй – космический план событий, происходящих с героями.

Но о чем говорит это сходство?

Мы сопоставили параллельные места ИА и романов с Септуагинтой и обнаружили, что сходства ИА с романами меркнут перед очевидной опорой ИА на библейскую традицию в тех самых местах, которые ученые выделили для сопоставления с романами. Разумеется, доказать влияние ИА на Харитона или Апулея – задача далеко не тривиальная, но и обосновать влияние античного романа просто ссылками на некие сходства уже не получается: нужно, чтобы они были “сильнее”, чем естественная опора ИА на Библию. ИА несколько не нуждается для объяснения своего литературного состава и образности в Апулее и Харитоне, а в фольклорной и библейской традиции нуждается.

Переключки ИА с романами Харитона и Апулея можно также признать случайными, а можно предположить влияние ИА на Ха-

ритона и Апулея, но предположить обратное влияние, на наш взгляд, мешает сам характер сопоставляемых элементов, вернее – системный характер их различий. В одном случае все первичное, исходное, “серьезное”, жизненное, сакральное и даже ритуальное, в другом – тот же образ, прием, сюжетный ход имеет характер искусного, литературного, художественного, психологического.

Приведем один пример. В ИА во время посвящения Асенет, как пчелиную матку (“царицу”), облепляют вылетевшие из сота чудесные белые пчелы в золотых коронах с пестрыми крыльями, а про Каллирою говорится, что, когда она вышла из храма, люди обступили ее и потянулись на ней, словно рой пчел за своей “царицей”. И естественней предположить выветривание чуждой религиозности ради литературной занимательности и изящного образа, чем насыщение “беллетристики” сакральным содержанием.

Как уже было сказано, датировка, происхождение, жанр и сам состав текста вызывали и вызывают дискуссии. Одни ученые считают оригинальной краткую версию, которая затем была распространена⁹, другие – длинную, которая затем была сокращена¹⁰. В настоящее время большинство согласно, что “Иосиф и Асенет” – это иудео-эллинистическое произведение, созданное в столетия вокруг рубежа эр, причем самая ранняя датировка, которую упоминают все чаще, – середина II в. до н. э.¹¹, а самая поздняя из современных – IV или даже V в. н. э.¹²

Критическое издание ИА на основании многочисленных греческих рукописей и древних переводов почти четыре десятилетия подготавливал Кристоф Бурхард¹³. Поскольку наиболее раннюю традицию доносят древние переводы, Бурхард в некоторых случаях включает в греческий текст фрагменты фраз, сохраненных иногда лишь по-латыни, по-сирийски или по-армянски, в обратном переводе.

Настоящий перевод выполнен по последнему изданию Бурхарда с сохранением его членения текста на стихи и главы ради удобства ссылок, но с собственным делением на абзацы.

Кроме того, в статье “Был ли крест на пчелином соте?” авторы реконструируют некоторые чрезвычайно важные фрагменты текста иначе, чем Бурхард, разумеется, используя при этом бо-

гату информацию о переводных версиях, содержащуюся в его издании и изданиях древних переводов. Перевод соответствующих фрагментов (16.1-11 и 16.16х-17), относящихся к самой загадочной сцене с сотом и пчелами, следует реконструкции авторов статьи, а не тексту, изданному Бурхардом. В тех немногих случаях, когда мы, избирая иное чтение, отступаем от текста Бурхарда, используются квадратные скобки. Угловые скобки использованы в тех (всего трех) случаях, когда в перевод на основании параллельных контекстов включены дополнительные слова.

Еще на заре изучения апокрифа академик В.М. Истрин издал краткую греческую версию и ее славянский перевод¹⁴. В 1987 г. в сборнике “От берегов Босфора до берегов Евфрата” С.С. Аверинцев опубликовал перевод краткой “версии Филоненко”¹⁵. Существует также перевод “Иосиф и Асенет” на русский язык с древней армянской версии¹⁶.

Русский перевод “длинной” версии, более чем на треть превышающей объем краткой, предлагается читателю впервые. Он является результатом деятельности семинара в РГГУ в 2003–2004 гг., в котором учтены многочисленные замечания участников семинара 2008–2009 гг., особенно А.Ю. Виноградова, соавтора публикуемой ниже статьи “Был ли крест на медовом соте?”, сложившейся по результатам работы второго семинара в 2009 г. В свою очередь, для авторов статьи большое значение имели работы соавтора перевода М.С. Касьян о символике пчел и меда в “Иосиф и Асенет”. Участники семинара продолжают подготавливать детальный комментарий, в процессе этой работы были опубликованы статьи, к которым мы здесь отсылаем для более подробного знакомства с проблемами изучения “Иосиф и Асенет”¹⁷.

¹ О существовании устной или/и письменной древнееврейской (или арамейской) традиции, предшествующей созданному по-гречески сочинению, говорят обнаруженные различными учеными непередаваемые паронимии, о которых речь пойдет ниже.

- 2 Отождествляют жреца и вельможу Test. Jos. 18.3 и Jub. 39.11; раввинистические источники чаще их различают: *Aptowitz V. Asenath, the Wife of Joseph: A Haggadic Literary-Historical Study // Hebrew Union College Annual. 1924. N I. P. 262.* О существовании такой драматической истории в еврейской традиции свидетельствует Ориген: “Кто-нибудь подумает, что это [отец Асенет] не тот, кто купил Иосифа. Но совсем не так понимают это евреи, они на основании потаенной книги [ἔξ ἀποκρύφου] утверждают, что хозяин и тесть – одно лицо. Они говорят, что Асенет предъявила обвинение своей матери в присутствии своего отца, заявив, что это та подстроила ловушку для Иосифа, а не он для нее. Поэтому он выдал ее за Иосифа, чтобы доказать египтянам, что тот не совершил никакого преступления против его дома” (*Orig. Selecta in Genesim. PG 12. 136. 9–20*); ср. *Mid. Agada I. 97 (ed. S. Buber); Aptowitz V. Op. cit. P. 258.*
- 3 *Aptowitz V. Op. cit. P. 239–260.*
- 4 *Ibid. P. 243–256.*
- 5 *West S. Joseph and Aseneth: a Neglected Greek Romance // The Classical Quarterly 24. 1974. P. 70–81; Ahearne-Kroll P.D. Joseph and Aseneth and Jewish Identity in Graeco-Roman Egypt. PhD University of Chicago. 2005.*
- 6 См. индекс источников в изд.: *Burchard Ch. Joseph und Aseneth // Unterweisung in erzählender Form / Hrsg. W.G. Kümmel (Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit 2). Gütersloh, 1983.*
- 7 *Брагинская Н.В. “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа. Часть 2 // Вестник древней истории. 2007. № 1. С. 32–75; Braginskaya Nina. Position of “Joseph and Aseneth” in Greek literary history: the case of the ‘first novel’. Доклад на конференции по античному роману в 2008 г. в Лиссабоне (International Conference on the Ancient Novel-2008), в печати.*
- 8 Вероятно, также так называемый “Роман о Нине и Семирамиде”, к сожалению, дошедший только во фрагментах.
- 9 Так называемая “версия Филоненко”: *Philonenko M. Joseph et Aséneth: Introduction, Texte critique, Traduction, et Notes (Studia Post Biblica). Leiden, 1968.*
- 10 Так называемая “версия Бурхарда”: *Joseph und Aseneth / Hrsg. von Ch. Burchard mit Unterstützung von C. Burfeind und U.B. Fink. Leiden, 2003.*
- 11 *Bohak G. Joseph and Aseneth and the Jewish Temple in Heliopolis (Early Judaism and Its Literature 10). Atlanta, 1996.*
- 12 *Kraemer R.Sh. When Aseneth Met Joseph. A Late Antique Tale of the Biblical Patriarch and his Egyptian Wife Reconsidered. Oxford, 1998.*
- 13 *Joseph und Aseneth / Hrsg. von Ch. Burchard.*
- 14 *Истрин В.М. Апокриф об Иосифе и Асенефе // Древности: Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1898. Т. III. С. 146–99.*
- 15 См. также: *Аверинцев С.С. Многоценная жемчужина. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. / Пер. с сирийского и греч., сост., предисл. и коммент. С.С. Аверинцева. М., 1994. С. 97–128.*
- 16 Повесть об Иосифе и Асенефе; перевод, выполненный с наиболее полной армянской рукописи Н.О. Эминым и Г. Халатянцем // Книга Еноха: Апокрифы. СПб., 2008. С. 285–312 (дополненное переиздание из кн.: *Эмин Н.О. Переводы и статьи по духовной армянской литературе. М., 1898*).
- 17 *Шмаина-Великанова А.И. Повесть об Иосифе и Асенет как Пасхальная Аггада для прозелитов. Доклад на Десятой ежегодной международной конференции по иудаике 28–30 января 2003 г.; Касьян М.С. Пища богов и Божия трапеза (Мед и пчелы в апокрифе “Иосиф и Асенет”) // Балканские чтения 7. В поисках ориентального на Балканах: от античности до современности. 24–26 марта 2003 г. Тезисы и материалы. М., 2003. С. 42–45; Она же. Божественные пчелы – gens aeterna // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. 21–23 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 323–336; Она же. Пчелы для Асенет – жрецы, священники или ангелы? (к трактовке образа пчел и меда в Средиземноморской культуре) // Кентавр / Centaurus. Studia classica et medievalia. М., 2005. № 2. С. 71–90; Брагинская Н.В. Что если “Иосиф и Асенет” первый греческий любовный роман? // Балканские чтения 7. С. 34–41; Она же. Narrative as a By-Product of Exegesis // The Narrative in the Light of Comparative Studies: [Le récit dans la perspective des études comparatives] / Ed. Z. Mitosek, J. Mueller. Warszawa, 2005. P. 155–169; Она же. Полемика вокруг храма Онии и исправление пророчества: Исайя, 19:18 // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского, 20–22 июня 2005 г. / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2005. С. 32–38; Она же. “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа. Часть 1 // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 73–96; Она же. “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа. Часть 2. С. 32–75; Она же. Обычное и странное в инициации Асенет // Переходы. Перемены. Превращения. Балканские чтения 10. Тезисы и материалы. 31 марта – 2 апреля 2009 г. М., 2009. С. 34–38; Михайлова Т.А. Перемена облачения в “Повести об Иосифе и Асенефе” // Antiquitas Iuventae II / Сб. научных трудов студентов и аспирантов / Под. ред. Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина. Саратов, 2006. С. 96–110; Она же. Проблема датировки ветхозаветного апокрифа “Иосиф и Асенеф” // Antiquitas Iuventae III. Саратов, 2007. С. 241–251; Она же. “Иосиф и Асенеф” и “Книга Иудифи”: проблема датировки // От Библии до постмодерна. Статьи по истории еврейской культуры. М., 2009. С. 221–233; и др.*

ИОСИФ И АСЕНЕТ

1.

1. Вот что было: в первый из семи годов изобилия, в пятый день второго месяца послал фараон Иосифа обойти всю землю египетскую. 2. И достиг Иосиф пределов гелиопольских в восемнадцатый день четвертого месяца первого года и собирал в том краю хлеб, словно песок морской.

3. И был в том городе муж, сатрап фараонов, поставленный начальником над всеми сатрапами и вельможами фараоновыми. И был очень богат сей муж, умен и добродетелен. И советником фараоновым был он, ибо превосходил разумением всех вельмож фараоновых. Звали мужа того Пентефрей, жрец гелиопольский.

4. И была у него дочь, дева восемнадцати лет, высокая и стройная, и всех дев земли затмевала она красотою. 5. Ничем не походила она на дев египетских, а во всем похожа была на дочерей еврейских: величавой была, как Сарра, цветущей, как Ревекка, и прекрасной, как Рахиль. И звали ее Асенет.

6. И молва о ее красе прошла по всему Египту и достигла края земли. И все сыновья вельмож, сыновья сатрапов и сыновья всех царей – молодцы и храбрецы – все сватались к ней. И было между ними сильное за Асенет соперничество, и готовы они были воевать за нее друг с другом.

7. И услышал о ней первородный сын фараонов и умолял отца своего дать ему в жены. Так говорил фараону сын его первородный: “Отец, дай мне в жены Асенет, дочь Пентефрея, жреца гелиопольского”. 8. И отвечал ему фараон, отец его: “Зачем ты ищешь жену ниже себя? Не ты ли царь всей земли египетской? 9. Вот дочь моавитского царя Иоакима, разве не обручена она тебе? И царевна она, и красавица. Ее бери себе в жены”.

2.

1. А Асенет любого мужа ни во что не ставила и презирала и со всеми заносчива была и высокомерна. И ни единый муж никогда не видел ее, ибо возле дома Пентефреева стояла башня, большая и очень высокая. И наверху той башни был чертог с десятью покоями.

2. И был первый покой красив и просторен: пол был выложен камнем порфиром, а стены облицованы многоцветными камнями драгоценными, а потолок в покое том был из золота. 3. И в самом чертоге том по стенам расставлены были боги египетские, золотые и серебряные, без счета. И Асенет почитала их всех и боялась и всякий день приносила им жертвы.

4. А во втором покое хранились наряды и ларцы Асенет. И было там много золота, серебра, златотканых одежд, редких камней драгоценных, изысканного тонкого полотна и всего, что служило украшением ее девичества.

5. И был третий покой кладовой Асенет: там хранились плоды земные.

6. А остальные семь покоев были отведены семи девам – по одному у каждой. И служили девы Асенет, и все были ей ровесницы, рожденные в одну ночь с Асенет, и она любила их всей душой. И прекрасны они были, как звезды небесные, и ни муж ни один, ни отрок никогда не говорил с ними.

7. И было три окна в большой комнате Асенет, где пестовали ее девичество. И одно окно, первое, очень большое, выходило во двор на восток. А второе выходило на юг, а третье выходило на север на людную улицу.

8. И ложе золотое стояло в покое изголовьем к востоку. И было ложе застлано пурпурным покрывалом, златотканым и расшитым нитями яхонтовыми, пурпурными и виссонными. 9. И на том ложе одна Асенет почивала, и никакой муж, и жена никакая, кроме одной Асенет, никогда на него не садились.

10. И широкий двор окружал дом, а кругом двора из больших квадратных камней стена была возведена высочайшая. 11. И во двор вели четверо обитых железом ворот, и каждые ворота охраняли по восемнадцать сильных молодых вооруженных мужей. И росли во дворе вдоль стены прекрасные деревья, все плодоносные и разнообразные. И плоды их поспели, ибо настала пора сбора урожая. 12. И с правой стороны во дворе был обильный источник проточной воды. И под источником – большой пруд, наполнявшийся водой из того источника. Оттуда начинался ручей, который протекал посреди двора и поил в том дворе все деревья.

3.

1. Вот что было в первый из семи годов изобилия, в восемнадцатый день четвертого месяца: достиг Иосиф пределов гелиопольских и собирал в том краю хлеб годов изобилия. 2. И когда приблизился Иосиф к этому городу, он послал вперед себя к Пентефрею жрецу двенадцать мужей с таковыми словами: “Распрягу у тебя лошадей: время – полдень, пора трапезы, и жар солнечный силен, потому отдохну под сенью твоего дома”.

3. И услышал это Пентефрей, обрадовался радостью весьма великой и сказал: “Благословен Господь Бог Иосифа, ибо господин мой Иосиф счел меня достойным своего посещения”. 4. И позвал Пентефрей своего домоправителя и сказал ему: “Поспешь прибрать дом мой и приготовить пир, ибо Иосиф, воин Божий, едет к нам сегодня”.

5. И услышала Асенет, что ее отец и мать возвратились из наследственного своего имения, обрадовалась и сказала: “Пойду увижу отца моего и мать мою, ведь они возвратились из имения нашего”. А было время сбора урожая.

6. И поспешила Асенет в покой, где были наряды ее, и облачилась в ризу из виссона, шитую яхонтовыми и золотыми нитями, подпоясалась золотым поясом, браслеты надела на руки и ноги свои, золотые анаксириды на ноги, и шею свою окружила дорогим украшением, и весь наряд ее был усыпан всевозможными камнями драгоценными, имена же богов египетских были вырезаны повсюду на браслетах и камнях, и головы всех идолов на них были запечатлены. И возложила она тиару на голову, венцом охватила виски и легким платом покрыла голову.

4.

1. И тотчас спустилась она из горницы вниз по лестнице, пришла к отцу своему и матери, приветствовала их и поцеловала. И обрадовались великой радостью Пентефрей и жена его дочери своей Асенет, ибо увидели ее убранной, как невеста бога.

2. Они выложили все плоды земли, что привезли из своего наследственного имения, и дали дочери своей. И обрадовалась Асенет всякому добру: плодам и гроздьям, финикам и персикам, гранатам и смоквам, ибо все они были свежие и приятные на вкус.

3. И сказал Пентефрей дочери своей Асенет: “Дитя мое”. Она же отвечала: “Вот я, господин”. 4. Он сказал ей: “Итак, сядь между нами, а я скажу тебе свое слово”. 5. И села Асенет между отцом и матерью. И взял Пентефрей, отец ее, правой рукой свою правую руку дочери, поцеловал ее и сказал ей: “Дитя мое, Асенет”. 6. Она отвечала: “Вот я, господин. Пусть же говорит со мной господин мой и отец мой”.

7. Пентефрей, отец ее, сказал ей: “Иосиф, воин Божий, приходит к нам сегодня. И сам он правитель всей земли египетской, и царь фараон поставил его царем всей страны, и всей он страны хлебодавец и спасает ее от грозящего голода. Иосиф – муж благочестивый, целомудренный и девственный, как ты ныне. Иосиф – муж сильный в мудрости и знании, дух Божий на нем и благодать Господа с ним. 8. Так вот, послушай, дитя мое, я отдам тебя ему в жены, и ты будешь ему невестой, а он станет тебе женихом на вечные времена”.

9. Когда Асенет услышала от отца своего эти слова, воспылала она великим гневом, и обильный пот багровый выступил на лице ее. И взглянула на отца исподлобья глазами своими: “Зачем господин мой и отец мой говорит такие слова, будто хочет отдать меня, словно пленницу, мужу иноземному, беженцу и рабу? 10. Не он ли сын пастуха из земли Ханаанской? и не он ли застигнут был на ложе со своей госпожой, и господин его вверх его в узилище мрака, а фараон вывел его из узилища, ибо он истолковал ему сон, как толкуют сны старухи египетские? 11. Нет! Я выйду замуж за сына царского, первородного, ибо это он царь всей земли египетской”.

12. Выслушав это, Пентефрей остерегся говорить боле своей дочери Асенет об Иосифе, ибо отвечала она ему дерзко, заносчиво и гневно.

5.

1. Вбежал юноша из челяди Пентефрея и говорит: “Вот, Иосиф уже стоит у ворот двора нашего”. 2. Асенет убежала от лица отца и матери своей, когда услышала, что сказали об Иосифе, поднялась в горницу, вошла в свой покой и стала у большого окна, смотрящего на восток, чтобы увидеть, как Иосиф входит в

дом ее отца. 3. Пентефрей с женой и со всеми домочадцами своими вышел навстречу Иосифу.

4. И отворили ворота во двор, выходящие на восток, и въехал Иосиф, стоя на второй колеснице фараоновой: в нее было запряжено четыре белых, как снег, златосбруйных коня, и вся колесница изукрашена чистым золотом. 5. А Иосиф был облачен в особый белый хитон, риза у него была пурпурная, златотканого виссона, на голове его был золотой венец, кругом венца двенадцать отборных камней, а поверх двенадцати камней – двенадцать золотых лучей. Левою рукою держал он жезл царский, правой пред собой простирал ветвь оливы: на ней было множество плодов, а плоды были полны елея.

6. Иосиф въехал во двор, и ворота во двор за ним заперли. Всякий муж чужой и жена чужая остались вне двора, ибо стражи ворот затворили и заперли створы и всех чужих выгнали вон. 7. Пентефрей с женой и со всеми домочадцами своими, кроме дочери, подошел, и поклонились они Иосифу лицом до земли. Иосиф сошел с колесницы своей и правой рукой приветствовал их.

6.

1. И увидела Асенет Иосифа на колеснице и крепко опечалилась: сокрушилась душа ее, колени ее подкосились, все тело ее задрожало, и устрашилась она страхом великим. Застонала Асенет и сказала в сердце своем:

2. Что делать мне теперь, несчастной?

Не мои ли слова:

“Иосиф придет, пастуший сын из земли Ханаанской”?

И вот оно солнце с небес

само на колеснице своей

приближается к нам

и уже вошло в жилище наше

и освещает его,

словно землю – свет дневный.

3. А я, безумная и дерзкая, его презирала

и хулу на него изрекала,

и не ведала я, что Иосиф – сын Божий.

4. Кто из людей на земле

породит красоту такую?

Есть ли чрево жены,

чтобы свет подобный выносить?

И несчастная я, и безумная:

пред отцом моим хулу на него изрекала.

5. И куда же теперь мне бежать и укрыться от лика его?

Чтоб не увидел меня Иосиф, сын Божий,

ибо я хулу на него изрекала?

6. И куда убегу я и где я сокроюсь,

когда видит он все потаенное

и ничему от него не укрыться,

ибо свет великий в нем сущий?

7. Милостив буди ко мне ныне,

Господи, Боже Иосифа:

ибо в неведении я хулу на него возводила,

8. и пусть отдаст меня отец мой Иосифу

в служанки и рабыни,

и пребуду рабыней его

на вечные времена.

7.

1. И вошел Иосиф в дом Пентефрея и сел на престол. Ноги ему омыли и стол перед ним накрыли особо, потому что Иосиф не ел вместе с египтянами, так как это была мерзость для него.

2. Подняв глаза свои, Иосиф увидел выглядывающую из окна Асенет и так сказал Пентефрею и всем его домочадцам: “Кто эта жена, что стала у окна в горнице? Пусть покинет дом сей!” Ведь всякий раз опасался Иосиф: “Как бы и эта мне не досадила”. 3. В самом деле досаждали Иосифу все жены и дочери вельмож и сатрапов всей земли египетской, желая возлечь с ним, и, видя его, все жены и дочери египтян уязвлены бывали его красотой. 4. А Иосиф их презирал, и посланцев, которых жены к нему отправляли с золотом, серебром и драгоценными подношениями, Иосиф отсылал прочь с угрозами и поношениями, ибо так говорил Иосиф: “Не погрешу я ни пред Господом Богом отца моего Израиля, ни пред лицом отца моего Иакова”. 5. Лицо Иакова, отца

его, всегда стояло перед глазами Иосифа, и помнил он заповеди отца своего, ибо говорил Иаков сыну своему Иосифу и всем сыновьям своим: “Храните себя крепко, дети мои, от общения с женами чужеземными, ибо общение с ними – гибель и разрушение”. 6. Вот почему Иосиф сказал: “Пусть покинет жена эта дом сей”.

7. Пентефрей сказал ему: “Господин, та, которую ты увидел стоящей в горнице, не чужая женщина, а наша дочь, дева, отвергающая всякого мужа, и ни один другой муж никогда не видел ее, вот только ты один сегодня. Если хочешь, она придет и приветствует тебя, ведь наша дочь тебе – как сестра”.

8. Иосиф обрадовался радостью весьма великой словам Пентефрея: “Дева она, отвергающая всякого мужа”. И сказал себе Иосиф: “Если она дева, отвергающая всякого мужа, то никак не может мне досадить”. И сказал Иосиф Пентефрею и всем домоладцам его: “Если она ваша дочь и она – дева, пусть придет, ибо она сестра мне, и люблю ее с этого дня как сестру свою”.

8.

1. И взошла мать Асенет в горницу, привела ее и поставила пред Иосифом, и сказал Пентефрей своей дочери Асенет: “Приветствуй брата твоего, ибо и он девствен, как ты ныне, и всякую жену чужую он отвергает, как и ты – всякого мужа чужого”.

2. И сказала Асенет Иосифу: “Здравствуй, господин мой, благословен ты у Бога Всевышнего”. 3. И сказал Иосиф Асенет: “Благословит тебя Господь Бог, который все оживотворил”. 4. И сказал Пентефрей дочери своей Асенет: “Подойди и поцелуй брата своего”. 5. И как подошла Асенет поцеловать Иосифа, вытянул он руку свою правую и устави́л ей в грудь, меж двух грудей ее, и были груди ее уже налитые, как спелые яблоки. И сказал Иосиф: “Не подобает мужу благочестивому, кто устами своими благословляет Бога Живого и ест благословенный хлеб жизни, и пьет благословенную чашу бессмертия, и помазывается благословенным помазанием нетления, целовать жену чужеземную, которая устами своими благословляет идолов мертвых и глухих и ест со стола их хлеб удушения, и пьет от возлияния их чашу коварства, и помазывается помазанием погибели. 6. Нет, муж благочестивый будет целовать свою мать и сестру, мате-

рюю его рожденную, и сестру из племени его и из рода его, и жену, делящую с ним ложе, – их всех, кто благословляет устами своими Бога Живого. 7. Так и жене благочестивой не подобает целовать мужа чужеземного, ибо это мерзость пред Господом Богом”.

8. И как услышала Асенет такие слова Иосифа, омрачилась весьма, и опечалилась сильно, и вздохнула, и стояла, уставя на Иосифа глаза, широко раскрытые, и слезы наполнили глаза ее. И увидел ее Иосиф и пожалел ее весьма, и сам омрачился, потому что добр был Иосиф, и жалостлив, и богобоязнен.

9. И поднял он руку свою правую, и возложил на голову ее, и сказал:

Господь Бог отца моего Израиля,
 Всевышний, могучий Иакова,
 Кто все оживотворил
 и воззвал из тьмы к свету,
 и от заблуждения к истине,
 и от смерти к жизни,
 Ты, Господи, благослови эту деву
 и обнови ее духом Твоим,
 и вылепи ее заново рукою Твоею сокрытою,
 и заново оживотвори ее жизнью Твоею,
 и дай ей вкусить хлеба жизни Твоей,
 и дай ей испить чашу благословения Твоего,
 и причисли ее к народу Твоему,
 прежде сотворения мира избранному Тобой,
 и дай войти ей в <место> упокоения,
 уготованного Тобой для избранных Твоих,
 и дай ей жить вечной жизнью Твоей
 на вечное время.

9.

1. И от благословения Иосифа возрадовалась Асенет радостью весьма великой и поспешила к себе в горницу и упала, задыхаясь, на ложе свое, ибо разом охватили ее радость и горе, и страх великий, и трепет, и пот лил с нее градом, как услышала она все слова Иосифа, сказанные ей во имя Бога Всевышнего.

2. И заплакала она громким и горьким плачем и отвратилась от богов своих, коих почитала, и мерзостны сделались ей все идо­лы, – и стала она ждать вечера.

3. А Иосиф ел и пил и так сказал слугам своим: “Запрягите коней в колесницы”. Ибо он говорил: “Я отправлюсь в путь и обойду кругом всю землю”. 4. И сказал Иосифу Пентефрей: “Пусть здесь заночует сегодня господин мой, а утром отправится в путь свой”. 5. И сказал Иосиф: “Нет, сегодня же я отправлюсь, потому что это день, в который Бог начал создавать все творения Свои, а на восьмой день, когда тот же день возвратится, и я тоже возвращусь к вам и останусь тут на ночь”.

10.

1. И отправился Иосиф в путь свой, а Пентефрей и вся его родня отправились в свой надел наследственный.

И одна осталась Асенет с семью девами, и тосковала она, и плакала до захода солнца. И хлеба она не ела и воды не пила. И настала ночь, и все уснули в доме, а она одна бодрствовала и думу думала, и плакала, и часто била себя рукой в грудь, и страхом страшилась великим, и дрожью крупной дрожала. 2. И встала Асенет с ложа своего, и тихо спустилась по лестнице из горницы, и, подойдя к воротам, вошла туда, где спала привратница со своими детьми. И поскорее сорвала Асенет с проема кожаную занавесь, и наполнила ее золой из очага, и отнесла наверх в горницу, и опустила ее на пол. 3. И заперла дверь накрепко, и заложила засов железный, и застонала стенанием громким с плачем горестным.

4. И услышала стенание ее дева, с которой Асенет выросла вместе и которую любила больше всех дев, и всполошилась, и разбудила шесть других дев. И вот пришли они к двери Асенет и нашли дверь запертой. 5. И услышали они стенание и плач Асенет и сказали ей: “Что с тобой, госпожа? Отчего ты горюешь и что за беда с тобой приключилась? Отопри нам, и мы посмотрим, что с тобой”. 6. И не открыла Асенет двери, но изнутри сказала им: “Сильно болит у меня голова, и покоюсь я на ложе своем, а встать и открыть вам нет сил у меня, ибо все члены мои ослабели. 7. Но пусть каждая из вас отправляется в свой покой и спать

ложится, а меня оставьте одну”. 8. И отошли девы – каждая в свой покой.

И встала Асенет, и тихо отперла дверь, и пошла во второй чертог свой, где стояли сундуки с ее нарядами, и открыла ларец свой, и достала хитон черный и мрачный. И был это хитон плача ее, когда умер брат ее меньший: это его надевала Асенет и оплакивала брата своего. 9. И взяла она свой хитон черный и отнесла в опочивальню, и снова дверь заперла накрепко, и заложила засов наискось.

10. И тотчас сбросила Асенет свою ризу царскую из виссона златотканого и надела черный хитон плача, и распустила пояс свой золотой, и препоясалась веревкой, и сняла с головы высокий убор свой, и венец, и браслеты с рук и ног своих и на пол все положила. 11. И взяла она свою ризу прекрасную, и пояс золотой, и убор высокий, и венец, все бросила из окна, выходящего на север, – для бедных.

12. И схватила Асенет всех богов своих, какие были у нее в чертоге, золотых и серебряных, а было их не счесть, разбила на мелкие кусочки и бросила всех идолов египетских из выходящего на север окна горницы своей – нищим и попрошайкам.

13. И взяла Асенет свою царскую снедь, яства тучные, и рыб, и мясо телячье, и все богам ее жертвенные приношения, и сосуды с вином для возлияния богам и бросила все из окна, выходящего на север, – все бросила псам приبلудным. Ибо сказала себе самой Асенет: “Да не отведают псы мои ни от снеди моей, ни от идоложертвенного, но пусть пожрут все это псы приبلудные”.

14. И после взяла Асенет шкуру с золою и высыпала золу на пол. И взяла шкуру вместо власяницы и обернула вокруг стана своего. И убранные волосы на голове своей она распустила и золою посыпала голову свою. 15. Она разбросала золу по полу и обеими руками стала часто ударять себя в грудь, и заплакала горько, и пала на золу, и плакала плачем громким и горьким со стенаниями и рыданиями всю ночь до утренней зари. 16. И встала утром Асенет и посмотрела – вот, много на полу грязи из слез ее и золы. И снова упала Асенет ниц на золу и лежала весь день до вечера и до захода солнца. 17. И так делала Асенет семь дней и хлеба не ела и воды не пила все эти семь дней покаяния своего.

11.

1. И вот на восьмой день на заре уже птицы защebetали, и собаки залаяли на прохожих, и чуть приподняла голову свою Асенет от пола и золы, где она лежала, ибо была она измождена весьма и члены ее ослабели от семидневного голода. И стала она на колени свои, и оперлась рукой своей об пол, и чуть приподнялась от земли, а голова ее оставалась поникшей, и волосы на голове ее свисали растрепанные и все в золе. И сплела Асенет руки свои палец с пальцем, и качала головой своей из стороны в сторону, и не переставая била себя в грудь руками своими, и уронила голову свою в колени, и было лицо ее залито слезами, и застонала стенаньем громким, и волосы рвала она на голове своей, и посыпала золой свою голову. И изнемогла Асенет и пала духом, и силы оставили ее. И она оборотилась к стене и села под окном, выходящим на восток. 2. И тогда голову свою она опустила в колени свои, а пальцы рук своих сплела на правом колене, уста же ее были сомкнуты: не размыкала она их семь дней и семь ночей покаяния своего.

3. И так сказала она в сердце своем, не размыкая уст:

Что делать мне, окаянной?

и куда идти?

к кому прибегнуть?

И что сказать?

мне, девице и сироте,

одинокой,

оставленной

и отвергнутой?

4. Ибо все отвергли меня,

и с ними отец мой и мать моя,

ибо и сама я отвергла богов их,

и уничтожила их, и бросила их
людям на поприще.

5. И оттого отвергли меня

отец мой,

и мать моя,

и вся родня моя,

и сказали они:

“Не дочь нам Асенет, потому что богов наших уничтожила”.

6. И отвергают меня все люди,

ибо и сама я отвергала всякого мужа и всех, кто сватается ко мне.

А теперь, в этом покаянии моем, все отвергли меня

и, видя такое утеснение мое,

торжествуют.

7. Господь же Бог могучего Иосифа, Всевышний,

отвергает всех,

кто поклоняется идолам,

ибо Бог есть ревнитель,

и Он страшен для всех,

кто богам чужим поклоняется.

8. Оттого и меня Он отверг,

ибо и я поклонялась идолам

мертвым и глухим,

и благословляла их,

и (9) ела от жертв, им приносимых,

и уста мои осквернены их трапезой,

и не дерзаю я призвать Господа Бога Небесного,

Всевышнего, Мощного, Бога могучего Иосифа,

ибо уста мои осквернены идоложертвенным.

10. Но слыхала я, как многие говорили,

что Бог евреев есть Бог истинный,

и Бог живой,

и Бог милосердный,

сострадающий,

долготерпеливый,

полный милости и всепрощения,

и не ведет Он счета грехам окаянного,

и когда утеснен человек,

не избличает беззакония утесненного.

11. А потому дерзну и я

и обращусь к Нему,

и прибегну к Нему,

и исповедаюсь Ему во всех прегрешениях своих,

и изолью перед лицом Его мольбу свою.

12. Кто знает, быть может, узрит Он покаяние мое,

и сжалится надо мною?

Вдруг узрит Он вот это одиночество мое
и умиосердится ко мне?

13. Или узрит Он сиротство мое
и заступится за меня?

Ибо отец Он сирых,
и заступник гонимых,
и теснимых опора.

14. Дерзну я и воззову к Нему.

15. И поднялась Асенет от стены, где она сидела, и оборотилась к окну, выходящему на восток, и стала на колени, и простерла руки свои к небу, но убоилась разомкнуть уста свои и именовать Бога именем Его. И снова оборотилась она к стене и села, и то и дело ударяла рукою по голове и по груди своей, и так сказала в сердце своем, не размыкая уст:

16. Несчастливая я, сирая и одинокая,
уста мои осквернены идоложертвенным
и благословеньями богам египетским.

17. А ныне, залитой вот этими слезами моими
и золою осыпанной,
в грязи покаяния моего,
как отворить мне уста ко Всевышнему
и как назвать Его святое страшное имя,
чтобы не прогневить мне Господа,
ибо среди беззаконий моих воззвала я к Его святому имени?

18. Что делать мне теперь, несчастной?

И все же дерзну я
и отворю уста мои к Нему,
и призову имя Его.

И если во гневе Господь поразит меня,
то Сам исцелит меня,
и когда накажет меня бичеванием Своим,
тогда в милости Своей Сам и призрит на меня.

И если я прогневила Его прегрешениями своими,
то Он и примирится со мной и отпустит мне всякое
прегрешение.

Так что дерзну я отворить уста мои к Нему.

19. И снова поднялась Асенет от стены, у которой сидела, и выпрямилась, стоя на коленях, и простерла руки свои к востоку, и возвела очи свои к небу, и отворила уста свои к Господу и сказала:

12.

1. Господи, Бог веков,
Ты создал все и оживотворил,
Ты даровал дыхание жизни всякому созданию Твоему,
Ты незримое вынес на свет,
2. Ты сотворил сущее и видимое из невидимого и не сущего,
Ты высоко поднял небо, основав его как твердь
на спинах ветров,
Ты основал землю на водах,
Ты камни огромные водрузил на водную бездну,
и не потонут эти камни,
подобно листьям дуба, они на поверхности вод,
и камни эти – живые,
и внемяют голосу Твоему, Господи,
и блюдут заповеди Твои,
что Ты им заповедал,
и законов Твоих никогда не преступают,
но до конца исполняют волю Твою.
Ибо Ты, Господи, рек – и ожили они,
ибо слово Твое, Господи, есть жизнь всех созданий Твоих.
3. К Тебе прибегаю, Господи,
и к Тебе взываю я, Господи,
Тебе изливаю мольбу мою,
Тебе исповедаю прегрешения мои
и Тебе открою беззакония мои.
4. Пощади меня, Господи,
ибо согрешила я весьма пред Тобою,
закон попрала и благочестие
и речи подлые и непотребные пред Тобой говорила.
5. Я осквернила уста мои идоложертвенным
и трапезой богов египетских,
согрешила я, Господи,
пред Тобою, весьма согрешила в неведеньи

и почитала я идолов
мертвых и глухих.

И ныне недостойна я отворить уста свои к Тебе, Господи!

Вот я – Асенет, дочь жреца Пентефрея, дева и царица,
некогда кичливая и надменная
и в богатстве своем над всеми людьми вознесенная,
а ныне – сирая одинокая и всеми людьми оставленная.

6. К Тебе прибегаю, Господи,
и Тебе приношу мольбу мою,
и к Тебе взываю.

7. Защити меня прежде, чем гонители мои схватят меня.

8. Ибо как дитя неразумное
в страхе бежит к отцу своему,
и отец, протянув руки,
подхватывает его с земли и прижимает к груди своей,
а дитя обвивает руками шею отца
и дух переводит от страха
и замирает на груди отца своего, а отец же смеется
испугу дитяти,
так и Ты, Господи,
протяни руки Свои ко мне,
словно отец чадолюбивый,
и восхити меня от земли.

9. Ибо се лев лютей и древний преследует меня:
это он – отец богов египетских,
а дети его – боги идолопоклонников.

И отвергла я их,
ибо они – дети льва,
и я отбросила всех их прочь и уничтожила.

10. И лев, отец их, в гневе гонится за мной,
(11) но Ты, Господи, защити меня от рук его
и из пасти его вырви меня,
чтобы не похитил меня этот лев,
и не растерзал меня,
и не вверг меня в пламя огненное,
а огонь не вверг бы меня в вихри,
а вихри не окутали бы меня мраком и не извергли

в пучину морскую,
и не проглотило бы меня чудище великое, от века сущее,
и не погибла бы я на вечное время.

12. Защити меня, Господи, прежде чем все это настигнет меня.
Защити меня, Господи,
одинокую и беззащитную,
ибо отец мой и мать моя отреклись от меня и сказали:
“Не дочь нам Асенет”,
потому что погубила и уничтожила я богов их и отвергла их.

13. И ныне я сирота одинокая,
и нет у меня иной надежды,
кроме как на Тебя, Господи,
и нет иного убежища,
кроме милости Твоей, Господи,
ибо Ты – отец сирых,
и заступник гонимых,
и тесным опора.

14. Помилуй меня, Господи,
и береги меня, деву чистую,
покинутую и осиротевшую,
ибо Ты, Господи, – отец сладостный,
благодать и всепрощающий.

15. Какой отец сладостней Тебя, Господи?
И кто так скор на милость,
как Ты, Господи?

И кто столь долготерпелив к прегрешениям нашим,
как Ты, Господи?

Ведь вот все [дары] отца моего Пентефрея,
какие он дал мне в наследство,
прейдут и исчезнут,
А [дары] Твоего наследства, Господи,
нетленны и вечны.

13.

1. Призри, Господи, на покаяние мое
и помилуй меня,
воззри на сиротство мое
и пожалей меня в утеснении моем.

Вот, смотри: я бежала ото всех
и к Тебе прибегла, Господи:
Ты один – человеколюбец.
2. Вот все блага земли я оставила
и к Тебе прибегла, Господи,
во власянице этой и пепле,
нагая, сирота, всеми покинутая.
3. Вот сняла я ризу царскую из виссона,
тканую золотом по яхонту,
и черный хитон плача надела.
4. Вот свой пояс золотой я распустила
и прочь от себя отбросила,
препоясалась веревкою и власяницею.
5. Вот высокий убор и венец с головы своей скинула
и золою ее я осыпала.
6. Вот пол в опочивальне моей,
камнями выстланный,
разноцветными и пурпурными;
прежде миром он окроплялся
и пеленами светлыми отирался,
днесь слезами моими окропляется
и пеплом устилается
в поругание.
7. Вот, Господи мой,
от слез моих и золы
много грязи в опочивальне моей,
словно на улице на проезжей.
8. Вот, Господи,
трапезу мою царскую и яства мои
псам я приبلудным бросила.
9. Вот и сама я семь дней и семь ночей постилась
и хлеба не ела, и воды не пила,
и уста мои стали сухи, словно кожа тимпана,
и язык мой – словно рог,
и губы – словно края черепка,
и лицо мое поникло,
и очи мои от слез долгих безобразно распухли,

и все силы меня оставили.
11. Вот про богов про всех, каких в неведении своем
почитала я прежде,
узнала я ныне, что были они идолами,
мертвыми и глухими,
и я дала людям попирать их ногами,
и тех, что были из серебра и золота, растащили воры.
12. И к Тебе прибегаю, Господь Бог мой:
[10]¹ Ты избавь меня от многих моих заблуждений
(13) и прости меня,
ибо я согрешила пред Тобою в неведении:
я – дева,
и неопытна,
и сбилась с пути,
и хулу изрекла я на господина моего Иосифа,
потому что не ведала я, несчастная, что он сын Твой,
и сказали мне, мол, Иосиф – сын пастуший из земли
Ханаанской.
И поверила им я, несчастная,
и сбилась с пути,
и презирала его,
и речи о нем вела подлые –
и не знала, что он сын Твой.
14. Кто же из смертных родит красоту такую,
и такую мудрость,
и доблесть такую,
и силу,
как у прекрасного Иосифа?
15. Господи, вверяю его Тебе,
ибо люблю его больше жизни своей.
Храни его в мудрой Твоей милости.
И дай Ты ему меня, Господи,
в служанки и рабыни.
И я постелю ложе ему,
и омою ноги его,
и стану прислуживать ему,
и сделаюсь ему рабыней, и останусь ею на вечное время.

14.

1. И едва закончила Асенет исповедываться Господу, как вдруг утренняя звезда выросла в небе на востоке. И увидела ее Асенет, и возрадовалась, и молвила: “И впрямь услышал Господь Бог мою молитву! Ведь звезда эта взошла вестником и глашатаем света великого дня”. 2. И опять глянула Асенет и видит: небо у звезды расколосось, и воссиял свет великий и несказанный. 3. И узрела его Асенет и пала ниц на золу.

И Человек сошел к ней с неба и стал в головах Асенет. 4. И позвал он ее, и произнес:

“Асенет, Асенет!”

5. И сказала она:

“Кто звал меня? Ведь дверь опочивальни моей заперта, а башня высокая. Так как же вошел он в покои мои?”

6. И снова позвал ее Человек и произнес:

“Асенет, Асенет!”

7. И она:

“Вот я, господин! Кто ты, скажи мне?”

8. И Человек сказал:

“Я князь дома Господня и вождь всего воинства Всевышнего. Поднимись и выпрямись, и я скажу тебе, что сказать должен”.

9. И подняла Асенет голову и увидела: муж во всем подобный Иосифу, в одеянии длинном, в венке и с жезлом царским, только лик его подобен молнии, и очи блистают, как солнце, и волосы на главе его – словно пламя огня в горящем светильнике, а руки и ноги – как железо, в огне раскаленное, и от рук и от ног его летят искры.

10. И увидела Асенет и пала ниц к ногам его на землю. И утрастилась Асенет страхом великим и задрожала она всем телом. 11. И сказал ей Человек:

“Мужайся, Асенет, и не страшись, но поднимись и стань на ноги, а я скажу тебе, что сказать должен”. 12. И Асенет поднялась и стала на ноги. И сказал ей Человек: “Ступай без страха во второй покой твой и черный хитон плача сбрось, и власяницу сними со стана твоего, и отряси с головы твоей эту золу, и умой лицо твое и руки твои водою живою, и надень ризу льняную новую, ненадеванную и нарядную, и препояшь стан твой новым

двойным поясом девичества твоего. 13. И приди ко мне, и я скажу тебе, что сказать должен”.

14. И поспешила Асенет войти в другой покой свой, где были сундуки с нарядами ее, и открыла ларец свой, и взяла ризу льняную, новую, нарядную и ненадеванную, и сняла черный хитон плача, и сбросила власяницу со стана своего, и надела ризу свою льняную, нарядную, ненадеванную, и препоясалась двойным поясом девичества своего: один пояс на стане ее, другой пояс на груди ее. 15. И отрясла золу с головы своей, и умыла руки свои и лицо свое водою живою. И взяла она покрывало льняное, ненадеванное и нарядное, и покрыла голову свою.

15.

1. И вошла она к Человеку в покой свой первый, и стала пред лицом Человека, и он сказал ей: “Отбрось-ка покрывало с головы своей, да и зачем оно тебе? Ведь ты сейчас дева чистая, и голова твоя подобна голове юного мужа”. 2. И Асенет отбросила покрывало с головы своей.

И сказал ей Человек:

«Мужайся, Асенет, дева чистая!

3. Се услышал я все слова исповеди твоей и молитвы твоей.

Се узрел я и покаяние твое

и муки твоих семидневных лишений.

Се из слез твоих и этой золы

много брения в покое твоём.

4. Мужайся, Асенет, дева чистая!

Се имя твое вписано в Книгу Живых на небесах;

в начале Книги первым из всех

вписано имя твое перстом моим

и не изгладится веками.

5. Се будешь отныне ты

заново обновлена,

заново вылеплена,

заново оживотворена,

и будешь есть благословенный хлеб жизни,

и пить благословенную чашу бессмертия,

и помазываться благословенным помазанием нетления.

6. Мужайся, Асенет, дева чистая!

Се ныне дал я тебя в невесты Иосифу,

и он станет женихом твоим на вечное время.

7. И больше не будешь ты зваться именем “Асенет”,

но будет имя тебе “Град убежища”,

потому что многие племена,

ко Господу Богу Всевышнему <обратившиеся>,

в тебе найдут убежище,

и многие народы,

Господу Богу покорившиеся,

под крылами твоими укроются,

и кто во имя Обращения

прилепился ко Господу Богу Всевышнему,

те в стенах твоих спасены будут.

Ибо Обращение – это Дщерь Всевышнего на небесах, прекрасная и весьма добродетельная. И это она всякий час просит Бога Всевышнего за тебя и за всех, кто обращается во имя Бога Всевышнего, ибо он – Отец Обращения. И это она – хранительница всех дев, и любит вас весьма, и за вас просит всякий час Всевышнего, и уготовано всем, кто обращается, на небесах место упокоения, и обновит она заново всех, кто обратился, и это она будет им служительница на вечное время.

8. А еще Обращение – это дева весьма прекрасная, чистая и вечно смеющаяся, и к тому же добрая и кроткая. Вот за это Отец Всевышний любит ее, и все ангелы ее почитают. И я тоже люблю ее сильно, потому что она сестра мне. И как она любит вас, дев, так и я вас люблю.

9. И вот ухажу я к Иосифу и скажу ему о тебе все, что сказать должен. И придет к тебе Иосиф сегодня, и увидит тебя, и возрадуется о тебе, и полюбит тебя, и станет женихом твоим, и ты станешь невестою его на вечное время.

10. Послушай же теперь, Асенет, дева чистая: облачись в ризу брачную, древнюю, которую первой положили в покое твоём изначально, и надень весь убор свой брачный, и укрась себя как добрую невесту, и ступай навстречу Иосифу. Ведь скоро сам он явится к тебе ныне – и узрит тебя и возрадуется».

11. И когда кончил Человек говорить эти речи, обрадовалась Асенет великой радостью всем речам его, и пала к ногам его ниц на землю, и сказала ему: 12. “Благословен Господь Бог твой Всевышний, который послал тебя спасти меня из мрака и вытащить меня со дна бездны, и благословенно имя твое вовек! 12х. Скажи мне имя твое, господин, чтобы мне хвалить и славить тебя вечно”.

И Человек сказал ей: “Зачем спрашиваешь об имени моем, Асенет? Имя мое на небесах вписано в Книгу Всевышнего перстом Божиим в начале Книги прежде всех имен, потому что я – князь дома Всевышнего. А все имена, что вписаны в Книгу Всевышнего, неизреченны, и не дано людям в этом мире ни проносить их, ни слышать, ибо имена те велики и дивны и хвалы достойны весьма”.

13. И сказала Асенет: “Если есть у меня милость пред лицом твоим, и чтобы знала я, что исполнишь ты все сказанное мне тобою, дай молвить слово служанке твоей пред лицом твоим”.

14. И ответил ей Человек: “Молви!” И Асенет протянула руку свою правую и коснулась колен его, и сказала ему: “Прошу тебя, господин, присядь ненадолго на это ложе, ведь ложе это чисто и чуждо скверны, и ни муж, ни жена никогда не касались его. А я придвину стол к тебе и принесу для тебя хлеба, и ты вкусишь его, и принесу для тебя из моей кладовой вина старого и доброго, от которого благоухание до неба восходит, и ты отведаешь его. А после отправишься в путь свой”. 15. И Человек сказал ей: “Ступай скорее и неси не мешкая”.

16.

1. И поспешила Асенет, и поставила перед Человеком новый стол, и пошла принести ему хлеб.

И сказал он ей: “Принеси мне и сот пчелиный”. 2. И остановилась Асенет и опечалилась, потому как не было в ее кладовой [медового сота]. 3. И сказал ей Человек: “Отчего стоишь ты?”

4. И Асенет ответила: “Пошлю слугу в предместье, потому что наше поле наследия здесь неподалеку, и он быстро принесет оттуда сот [медовый], и предложу тебе его, господин”. 5. И сказал ей Человек: “Ступай и войди в свою кладовую и найдешь сот пчелиный лежащим на столе. Возьми его и принеси сюда”.

6. И ответила Асенет: “Господин, нет сота [медового] в моей кладовой”. 7. И молвил Человек: “Ступай и найдешь его”. 8. И вошла Асенет в свою кладовую и нашла сот пчелиный, лежащий на столе. И был сот большим и белым, будто снег, и полным меда. И был мед этот, как роса небесная, и дыхание его, как дыхание жизни. 9. И удивилась Асенет и сказала самой себе: “Не вышел ли этот сот из уст Человека, потому что дыхание сота – как дыхание уст его?” 10. И взяла Асенет сей сот, и принесла Человеку, и положила на стол, который приготовила пред ним.

И сказал ей Человек: «Что же ты говорила “нет сота пчелиного в кладовой моей”? Ибо вот, ты принесла пчелиный сот чудесный». 11. И испугалась Асенет и молвила: “Господин, не было никогда у меня в кладовой сота медового, но ты рек – и он явился. Не вышел ли он из уст твоих, потому что дыхание его – как дыхание уст твоих”.

12. И улыбнулся Человек уму Асенет, (13) и подозвал ее к себе, и простер свою правую руку, и положил ее на голову Асенет, и встряхнул рукой голову ее. И испугалась Асенет руки Человека, потому что от нее сыпались искры, как от кипящего железа. И смотрела Асенет, не отводя глаз от руки Человека.

14. И увидел это Человек, и улыбнулся, и сказал: “Блаженна ты, Асенет, ибо открылась тебе неизреченная тайна Всеvyšнего, и блаженны все прилепившиеся к Господу Богу <во имя> Обращения, ибо они едят от этого сота. Так как сот этот – дух жизни, и сделан он пчелами рая радости из росы роз жизни, что в раю Божиим. И все ангелы Божии едят от этого сота, и все избранные Бога, и все сыны Всеvyšнего, ибо это сот жизни, и всякий, кто ест от него, не умрет вовеки”.

15. И простер Человек свою правую руку, и отломил малую часть от сота, и ел сам, а остаток ее вложил рукой своей в уста Асенет и сказал ей: “Ешь”. И она ела.

16. И молвил Человек Асенет:
 “Се, вкусила ты хлеб жизни,
 и испила чашу бессмертия,
 и помазана ты помазанием нетления.
 Виждь, отныне плоть твоя процветет,

как цвет жизни от земли Всеvyšнего,
 и кости твои утучнятся,
 как кедр рая радости Божия,
 и силы неиссякаемые окружают тебя,
 и молодость твоя старости не узрит,
 и красота твоя вовек не прейдет.
 И для всех прибегающих во имя Господа Бога царя веков
 ты будешь как город-мать, стеной окруженная”.

16х. И простер Человек свою правую руку и коснулся сота там, где отломил, и восстановился сот, и наполнился, и тотчас стал целым, каким был прежде.

17. И вновь простер Человек свою правую руку и наложил свой перст [указательный] на край сота, обращенный на восток, и потянул [на себя, и положил перст] на край, обращенный на запад, и след перста его был как кровь. И во второй раз простер он свою руку и положил свой перст на край сота, обращенный на север, и потянул на [себя, и положил перст на] край, обращенный на юг, и след перста его был как кровь.

17х. А Асенет стояла слева от него и видела все, что делал Человек. И сказал Человек соту: “Сюда!” 17у. И поднялись пчелы от ячеек сота, а ячеек были тьмы и тьмы несчетные и тысячи тысяч. 18. И пчелы были белые, как снег, а крылья их – как пурпур, и как яхонт, и как багрец, и как вышитый золотом покров из виссона, и золотые диадемы были на головах их. Жала у них были острые, но они никому не причиняли вреда. 19. И облепили все эти пчелы Асенет с ног до головы. А были и иные пчелы, крупные и необычные, словно царицы их, и поднялись они из надлома на соте, и стали роиться вокруг лица Асенет, и сотворили во рту и на устах ее сот, подобный соту, лежавшему перед Человеком. 20. И все пчелы ели сот, бывший на устах Асенет.

И молвил Человек пчелам: “Отправляйтесь в место ваше”. 21. И все пчелы поднялись и улетели и удалились в небеса. 22. А те, которые хотели повредить Асенет, упали наземь и умерли. И протянул Человек жезл свой к умершим пчелам и сказал им: “И вы поднимитесь и удалитесь в место ваше”. 23. И поднялись умершие пчелы, и отлетели в прилежавший к дому Асенет двор, и сели на плодоносных деревьях.

17.

1. И сказал Человек Асенет: “Видела слово сие?” И она ответила: “Да, господин, я видела всё это”. 2. И продолжил он: “Так исполнятся все слова, что говорил я тебе сегодня”.

3. И в третий раз простер Человек десницу и коснулся надлома на соте, и тут же из стола вырвалось пламя и поглотило сот, а столу не повредило. 4. И изошло от горящего сота благоухание великое и наполнило покой.

И обратилась Асенет к Человеку: “Господин, есть у меня семь дев, служащих мне, которые воспитаны вместе со мной и родились в одну ночь со мною; и люблю я их, как своих сестер. Поэтому позову я их, и ты благословишь их, как и меня благословил”. 5. И сказал Человек: “Зови”. 6. И позвала Асенет семь дев, и предстали они пред Человеком. И благословил их Человек и молвил: “Благословит вас Господь Бог Всевышний. И будете вы семью столпами Града убежища, и все жители из числа избранных Града сего упокоятся в вас на вечное время”.

7. И сказал Человек Асенет: “Убери этот стол”. 8. И повернулась Асенет убрать стол, и тотчас скрылся от глаз ее Человек. И видела Асенет, как колесница с четверкой лошадей унеслась в небо на восток. И была колесница будто пламя огня, а лошади – будто молния. И Человек стоял на той колеснице.

9. И сказала Асенет: “Безумная я и дерзкая, говорила я без почтения и думала, что с небес пришел в покой мои Человек, но не знала я: это Бог пришел ко мне. И вот, ныне он идет назад в небеса, в место свое”. 10. И молвила она самой себе: “Будь милостив, Господи, к рабе Твоей и пощади служанку Твою, потому что по неведению говорила я все слова мои дерзко пред Тобою”.

18.

1. И когда еще говорила она себе так, вбежал юноша из слуг Пентефрея и говорит: “Вот, Иосиф, воин Божий, едет к нам сегодня. Ибо гонец его стал у ворот двора нашего”.

2. И поспешила Асенет, и позвала дядьку своего, распорядителя в обители ее, и сказала ему: “Поторопись и приведи дом в порядок, и приготовь славный ужин, потому что Иосиф, воин

Божий, едет к нам сегодня”. 3. И встретил ее дядька и видит: лицо ее поникло от скорбей, и плача, и голода семидневного. И опечалился он и заплакал, и взял ее правую руку и поцеловал ее, и промолвил: “Что с тобой, дитя мое, что так поникло лицо твое?” 4. И сказала ему Асенет: “Голова моя болела весьма, и сон не коснулся очей моих, – вот отчего поникло лицо мое”. 5. И ушел дядька ее, и убрал дом, и приготовил трапезу.

И вспомнила Асенет Человека и наставления его, и поспешила, и вошла во вторую свою комнату, где были ларцы с ее нарядами, и открыла большой сундук, и достала свои лучшие одежды брачные, блистающие подобно молнии, и надела их. 6. И препоясалась поясом золотым и царским из драгоценных камней. И надела на руки свои золотые браслеты, а на ноги – золотые шаровары, и на шею свою – ожерелье великолепное, в котором роскошных драгоценных камней было без числа, и золотой веночек возложила себе на голову, а на венке над челом ее был крупный камень яхонт, а вокруг большого камня были еще шесть драгоценных камней. И покрыла свою голову покрывалом, как невеста, и скипетр взяла в руку свою.

7. И вспомнила Асенет слова дядьки своего, как говорил он ей: “Поникло лицо твое”. И вздохнула она тяжело, и весьма опечалилась, и сказала: “Горе мне несчастной! Поникло лицо мое. Увидит меня Иосиф и презрит”. 8. И оборотилась она к совоспитаннице своей: “Принеси мне чистой воды из источника, и умою лицо свое”. 9. И та принесла ей чистой воды из источника и налила ее в чашу.

И склонилась Асенет умыть лицо свое и в воде увидела его, и было оно, как солнце, а глаза ее – как восходящая денница, щеки ее – как поля Всевышнего, а румянец на щеках – как кровь сына человеческого, губы ее – как роза жизни, начавшая распускаться, а зубы ее – как воины, выстроенные к битве, волосы главы ее – как виноградная лоза рая Божия, обильная плодами своими, а шея ее – как кипарис прекрасный, груди же ее – как горы Бога Всевышнего. 10. И как увидела себя в воде Асенет, изумилась увиденному, и возрадовалась великой радостью, и не умыла лица своего, сказавши: “Не смыть бы мне красоту эту великую”.

11. И вошел дядька ее сказать, что все готово, как было велено. И едва увидел Асенет, затрепетал, замер не в силах слова вы-

молвить, и устранился страхом великим, и бросился в ноги к ней, и сказал: “Что это, госпожа моя? и что это за красота столь великая и дивная? Или Господь Бог небесный выбрал тебя в невесты первородному сыну Своему Иосифу?”

19.

1. И когда они еще это говорили, вошел юный раб и сказал Асенет: “Вот, Иосиф стоит у ворот двора нашего”. 2. И поспешила Асенет, и спустилась по лестнице из верхних покоев вместе с семью девами навстречу Иосифу, и встала перед домом. 3. И вошел Иосиф во двор, и закрыли ворота, и оставили снаружи всех посторонних.

4. И вышла Асенет из дома навстречу Иосифу, и увидел ее Иосиф, и удивился красоте ее, и сказал ей: “Возвести мне скорее, кто ты”. 5. И она отвечала ему: «Я раба твоя Асенет, всех идолов моих я выбросила, и нет их больше. И пришел ко мне ныне Человек с неба и дал мне хлеб жизни – и я ела, и дал мне чашу благословения – и я пила, и сказал мне: “Отдал я тебя ныне в невесты Иосифу, и он будет тебе женихом на вечное время”. Также сказал он мне: “А имя твое будет не Асенет, а Град убежища, и Господь Бог на вечное время воцарится над многими народами, ибо многие народы найдут в тебе убежище у Господа Бога Всевышнего”. 6. И еще сказал он мне: “Приду я и к Иосифу и скажу в уши его слова мои о тебе”. 7. И ныне тебе ведомо, господин мой, приходил ли к тебе Человек сей, и сказал ли тебе обо мне».

8. И сказал Иосиф Асенет: “Благословенна ты от Бога Всевышнего и благословенно имя твое вовек, ибо Господь Бог утвердил стены твои в вышних и стены твои адамантовые, стены жизни, потому что сыны Бога Живого вселились в Град убежища твой, и Господь Бог будет царствовать над ними во веки веков. 9. Ибо Человек сей приходил ныне ко мне и говорил мне о тебе, как ты сказала. А теперь иди ко мне, дева непорочная, зачем стоишь поодаль?”

10. И протянул Иосиф руки свои и, сделав знак глазами, подал Асенет. Протянула и Асенет руки свои, и подбежала к Иосифу, и припала к груди его, и обнял ее Иосиф, а она Иоси-

фа, и радостно приникли они друг к другу, и в обоих ожил дух их. 11. И поцеловал Иосиф Асенет – и дал ей дух жизни, и поцеловал второй раз – и дал ей дух мудрости, и поцеловал в третий раз – и дал дух истины.

20.

1. И обняли друг друга крепко и соединились узами рук своих.

И сказала Асенет Иосифу: “Что ж, господин мой, войди в дом наш, потому что убрала я дом наш и приготовила богатое пиршество”. 2. И взяла его правую руку, и ввела его в дом свой, и усадила его на престол отца своего Пентефрея. И принесла она воды, чтобы омыть ноги его. 3. И сказал Иосиф: “Пусть придет одна из дев и омоет ноги мои”. 4. И ответила ему Асенет: “Нет, господин. Ибо отныне ты господин мой, а я раба твоя. Зачем говоришь, чтобы другая дева омыла ноги твои? Ведь ноги твои – мои ноги, руки твои – мои руки, душа твоя – моя душа, и да не омоет твоих ног другая!” 5. И упросила его и омыла ноги его. И смотрел Иосиф на руки ее, и были они, как руки жизни, а пальцы ее – легки, как пальцы скорописца. И после этого взял Иосиф правую руку ее и поцеловал, а Асенет поцеловала его главу и села одесную Иосифа.

6. И пришли отец и мать ее и все родственники ее с поля наследия. И увидели они Асенет – будто свет явился, и была красота ее, как красота небесная. И увидели ее сидящей вместе с Иосифом и одетой в брачные одежды. 7. И изумились красе ее, и возрадовались, и воздали славу Богу, животворящему мертвых. 8. И после сего ели, и пили, и веселились.

И сказал Пентефрей Иосифу: “Завтра я позову всех вельмож и сатрапов со всей земли египетской и устрою вам свадьбу, и возьмешь дочь мою Асенет в жены”. 9. И ответил Иосиф: “Завтра я пойду к царю фараону – потому что он мне как отец и поставил меня правителем всей земли египетской – и скажу об Асенет в уши его, и он даст мне ее в жены”. 10. И сказал ему Пентефрей: “Ступай с миром”.

21.

1. И остался Иосиф в тот день у Пентефрея и не спал с Асенет, ибо сказал Иосиф: “Не подобает мужу благочестивому спать с женой прежде брака”.

2. И встал Иосиф утром, и отправился к фараону, и сказал тому: “Дай мне в жены Асенет, дочь Пентефрея, жреца Гелиополя”.

3. И возрадовался фараон радостью великой и ответил Иосифу: “Не она ли была обещана тебе от века? Да будет женой твоей отныне и на вечное время”. 4. И послал фараон позвать Пентефрея, и пришел тот, и привел он Асенет, и подвел ее к фараону. И увидел ее фараон, и изумился красе ее, и сказал: “Благословит тебя, дитя, Господь Бог Иосифа, и пребудет краса твоя вовек, ибо по праву избрана ты Господом Богом Иосифа в невесты Иосифу, ибо он – первородный сын Божий, а ты наречешься дочерью Всевышнего и невестой Иосифа отныне и до века”.

5. И взял фараон Иосифа и Асенет и возложил на головы им золотые венцы, что от начала и искони были в доме его; и поставил фараон Асенет справа от Иосифа (6) и положил руки свои на головы их, так что правая его рука была на голове Асенет, и сказал: “Благословит вас Господь Бог Всевышний, и умножит вас, и возвеличит, и прославит вас вовек”. 7. И повернул их фараон лицом друг к другу и сблизил уста их и губы их, и поцеловали они друг друга.

8. И устроил после этого фараон свадьбу, и великое пиршество, и богатое на семь дней застолье. И созвал всех князей земли египетской и всех царей народов и возвестил всей земле египетской, говоря: “Всякий, кто будет заниматься делами своими в семь дней свадьбы Иосифа и Асенет, смертью умрет”.

9. Вот что было: после этого Иосиф вошел к Асенет, и зачала она от Иосифа и родила Манассию и Ефрема, брата его, в доме Иосифа.

10. И восславила тогда Асенет Господа Бога и возблагодарила молитвой за все благодеяния, которых удостоилась от Господа:

11. «Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила я, Асенет, дочь Пентефрея, жреца гелиопольского, начальника всех.

12. Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила.

Я жила в довольстве в доме отца моего и была девою горделивой и надменной.

13 Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила. И богов чужих почитала, коим несть числа, и от жертв их хлеб ела.

14 Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила. Ела хлеб удушения, Пила чашу коварства от стола погибели.

15. Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила. И не знала Господа Бога небесного, не уповала на Бога жизни Всевышнего.

16. Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила. Уповала на богатство славы своей и на красоту свою и была горделивой и надменной.

17. Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила. И ни единого мужа на земле ни во что я не ставила, и никто в глазах моих ничего не стоил.

18. Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила. И всех сватавшихся ко мне я отвергла, Ни во что не ставила их и презирала их.

19. Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила. И говорила дерзкое в безумии, и сказала, что “нет на свете мужа, могущего разрешить пояс девственности моей”.

20. Согрешила, Господи, согрешила пред Тобою, много согрешила.

“Но я стану невестой великого царского сына первородного”.

21. Согрешила, Господи, согрешила

пред Тобою, много согрешила,
 Покуда не пришел Иосиф воин Божий.
 Он низверг меня в могуществе моем
 и смирил меня в надменности моей,
 и красотой своей пленил меня,
 и мудростью своей уловил меня,
 будто рыбу на крючок,
 и духом своим прельстил меня,
 будто приманкой жизни,
 и силой своей укрепил меня,
 и привел меня к Богу веков и к князю дома Всевышнего,
 и дал мне есть хлеб жизни и пить чашу мудрости,
 и стала я невестой ему во веки веков».

22.

1. Вот что было: прошли семь лет изобилия и наступили семь лет голода. 2. И услышал Иаков об Иосифе, сыне своем, и со всем домом своим пошел Израиль в Египет на второй год голода, во второй месяц, в двадцать первый день месяца, и поселился в земле Гесем.

3. И сказала Асенет Иосифу: “Я отправлюсь в дорогу, чтобы увидеть отца твоего, ибо отец твой, Израиль, и мне – отец и бог”.

4. И сказал ей Иосиф: “Пойдем со мной, и увидишь ты отца моего”. 5. И пошли Иосиф и Асенет в землю Гесем к Иакову. И вышли им навстречу братья Иосифа и поклонились пред ними лицом до земли.

6. И вошли они к Иакову. Израиль же сидел на ложе своем, и был он старец прекрасный в года свои. 7. И увидела его Асенет и поразились красоте его, ибо обликом был он прекрасен весьма и старость его была, как юность мужа во цвете лет, и голова его была вся бела, как снег, а волосы главы его были густы и весьма упруги как у эфиопа, и борода его белая спускалась на грудь его, и глаза его были веселы и блестящи, и были мышцы его, и плечи его, и руки его, как у ангела, а бедра его, и голени его, и ноги его – как у исполина. И как раз таков был Иаков, каков человек, который с Богом померился силой. 8. И увидела его Асенет, и обомлела, и поклонилась ему лицом до земли.

И сказал Иаков Иосифу: “Это – невестка моя, жена твоя? Да будет благословенна она у Бога Всевышнего”. 9. И подозвал ее Иаков, и благословил ее, и поцеловал ее. И протянула Асенет руки свои, и обняла шею Иакова, и приникла к отцу [его] как возвратившийся с войны домой приникает к отцу своему, и поцеловала его. 10. И после ели они и пили.

И отправились Иосиф и Асенет в дом свой. 11. И сопровождали их Симеон и Левий, братья Иосифа, сыновья только Лии, а сыновья Зелфы и Валлы, служанок Лии и Рахили, не сопровождали их, ибо зависть питали к ним и вражду. 12. И был Левий по правую руку от Асенет, а Иосиф – по левую. 13. И держала Асенет Левия за руку. И сильно полюбила Асенет Левия, более всех братьев Иосифа, потому что имел он прилежание к Господу, был муж мудрый и пророк Всевышнего, и зоркими были глаза его, и видел он письмена, начертанные на небе перстом Божиим, и знал он неизреченное Бога Всевышнего и тайне открыл это Асенет, ибо и сам Левий полюбил Асенет весьма и видел место ее упокоения в вышних и стены ее, как стены нерушимые вечные, и основания ее, основанные на глыбах седьмого неба.

23.

1. Вот что было: сын фараонов первородный увидел со стены Иосифа и Асенет, когда шли они мимо. И увидев красоту Асенет, уязвлен он был, угнетен весьма и раздосадован. И сказал он: “Этому не бывать!”

2. И послал сын фараонов гонцов и призвал к себе Симеона и Левия. И пришли мужи сии к нему и встали пред лицом его. И сказал им сын фараонов первородный: “Я знаю верно, что вы превосходите силой всех людей на земле, и вот этими вашими руками повергнут был город Сикемитов, и вот этими двумя мечами изрублены тридцать тысяч воинов. 3. И потому ныне я приму вас как товарищей, и дам вам много золота и серебра, и слуг, и служанок, и дома, и уголья обширные, если только, из сострадания ко мне, исполните, что я скажу, ибо сильно оскорбил меня брат ваш Иосиф: он взял Асенет, жену мою, от начала мне обрученную. 4. И давайте теперь нападём и сразимся с Иосифом, братом вашим, и я убью его мечом моим и возьму Асенет в жены, а вы

станете мне братьями и друзьями верными. 5. Только сделайте по слову моему. Если же вы не решитесь исполнить сказанное и пренебрежете волей моей, то вот – меч мой готов на вас!” 6. И сказав так, обнажил меч свой и показал им.

Услышав такие речи, весьма омрачились мужи Симеон и Левий, ибо как тиранн говорил с ними сын фараонов. 7. А был Симеон муж воинственный и отважный и хотел он схватиться за рукоять меча своего и, выхватив его из ножен, поразить сына фараонова за то худое, что тот говорил им.

8. И понял Левий, что замыслил Симеон в сердце своем, потому что Левий имел дар пророческий и ясно видел его намерение в глазах его и читал начертанное в сердцах человеческих. И наступил Левий ногой своей на правую ногу Симеона, и надавил на нее, и подал знак ему оставить гнев свой. 9. И тихо сказал Симеону Левий: “Что ты так гневаешься на этого человека? Мы мужи благочестивые, и нам не подобает воздавать злом за зло”.

10. И сказал Левий сыну фараонову открыто, ясно глядя на него, и не было в нем гнева, но в кротости сердца сказал ему: “Что такое говоришь ты, господин наш, как понимать твои речи? Ведь мы мужи благочестивые, и отец наш любим Богом Всевышним, и Иосиф, брат наш, – как сын Божий первородный. 11. И как же нам свершить такое злое дело и согрешить пред Богом нашим, и пред отцом нашим, Израилем, и пред братом нашим, Иосифом?! 12. А теперь послушай, что я скажу. Не подобает мужу благочестивому причинять кому-либо какой-либо вред. А если кто-нибудь захочет причинить вред мужу благочестивому, то не отвечает ему сей муж благочестивый, ибо нет меча в руках его. 13. Ты же впредь остерегись говорить о брате нашем Иосифе слова, подобные этим. Если же пребудешь неизменен в злом своем намерении, то смотри: вот в десницах наших мечи наши обнажены пред тобою!” 14. И Симеон и Левий извлекли из ножен мечи свои и сказали: “Ну, видишь ли ты мечи наши? Этими двумя мечами Господь Бог покарал Сикемитов за оскорбление, которым оскорбили они сынов Израилевых, потому что Сихем, сын Емморов, обесчестил сестру нашу Дину”.

15. И увидел сын фараонов мечи их обнаженные, и утрашился весьма, и задрожал всем телом своим, ибо сверкали мечи

их, как пламя огня, и померк свет в очах сына фараонова, и пал он на землю ниц к ногам их. 16. И протянул Левий руку свою правую, и подхватил его, и сказал: “Встань и не бойся. Только впредь берегись заводить дурные речи о брате нашем Иосифе”. И удалились Симеон и Левий от лица сына фараонова.

24.

1. И был сын фараонов полон страха и горя, потому что боялся братьев Иосифа, Симеона и Левия, и терзался из-за красоты Асенет, и мучался страшной непереносимой мукой.

2. И присоветовали ему слуги его так: “Смотри, сыновья Валлы и Зелфы, служанок Лии и Рахили, жен Иакова, враждебны Иосифу и Асенет и завидуют им, и послушны будут они тебе в желании твоём”.

3. И послал сын фараонов гонцов призвать их к себе. И пришли они к нему в первый час ночи и встали пред лицом его. И сказал им сын фараонов: “Хочу говорить с вами, ибо вы – мужи и воины”. 4. И отвечали ему Дан и Гад, старшие из братьев: “Пусть же говорит господин наш слугам своим, что хочет он, и выслушают слуги твои, и сделаем мы по желанию твоему”. 5. И весьма возрадовался сын фараонов радостью великой и сказал слугам своим: “Станьте поодаль, потому что слово мое к мужам этим – тайное”. 6. И все отошли в сторону.

7. И обманул их сын фараонов такими речами: «Вот, пред вами благословение или смерть. Выбирайте же благословение, а не смерть, поскольку вы – мужи и воины и не умрете, как женщины: будьте же мужественны и отомстите врагам нашим. 8. Ибо слышал я, как Иосиф, брат ваш, говорил о вас фараону, отцу моему: “Дан, и Гад, и Неффалим, и Асир – сыновья служанок отца моего, и не братья они мне. И дождусь я смерти отца моего и истреблю их с лица земли и весь род их, да не имеют они доли в наследии нашем, ибо они – сыновья служанок. 9. Они продали меня Измаильтянам, я же отплачу им за все зло и насилие, какое причинили мне они, вот только умрет отец мой”. 10. И одобрил его фараон, отец мой, и сказал ему: “Хорошо ты сказал, дитя мое. Так что возьми у меня мужей сильных в битве и готовься отплатить им за то, что они тебе сделали, и я буду тебе в помощь”».

11. И как только услышали мужи слова сына фараонова, в смятение пришли они, и опечалились, и сказали сыну фараонову: “К тебе прибегаем, господин, помоги нам!”

12. И сказал им сын фараонов: “Я помогу вам, если и вы сделаете по слову моему”. 13. И они сказали: “Да, мы будем тебе слугами. Веди нас, и мы сделаем по желанию твоему”. 14. И сказал им сын фараонов: “Этой ночью я убью отца своего, фараона, потому что отец мой фараон, будто отец Иосифу, и сказал, что поможет ему против вас. А вы убейте Иосифа, и я возьму Асенет в жены, вы же будете братья мне и сонаследники всего, что есть у меня. Только сделайте, как я сказал”.

15. И сказали ему Дан и Гад: «Отныне мы будем слугами твоими и сделаем все, что ты велишь нам. Мы слышали сегодня, как Иосиф говорил Асенет: “Отправляйся завтра в поле наследия нашего, потому что пришло время жатвы”. И дал он ей в сопровождение шесть сотен мужей сильных в битве и пятьдесят гонцов. 16. Слушай же теперь, что мы скажем тебе, господину нашему». 17. И они сказали ему всё втайне от прочих: “Дай нам мужей [сильных в битве]”. 18. И дал им сын фараонов по пять сотен мужей и поставил четырех братьев над ними начальниками и предводителями.

19. И сказали ему Дан и Гад: “Отныне мы будем слугами твоими и сделаем все, что ты велишь нам. Мы отправимся в путь ночью и устроим засаду в старице, и укроемся в зарослях тростниковых. А ты возьми с собою пятьдесят мужей, конных лучников, и ступай вперед дальше. И придет Асенет и попадет нам в руки. И мы перебьем мужей, которые с ней будут. Тогда вперед помчится Асенет на своей повозке и попадет прямо в твои руки, и сделаешь с ней все, что пожелает душа твоя. А после мы убьем Иосифа, скорбящего об Асенет, и детей его убьем на глазах его”.

И услышав таковые слова, возрадовался сын фараонов. И отправил их в путь и с ними две тысячи мужей вооруженных. 20. И пришли они к старице, и укрылись в зарослях тростниковых, и разделились они на четыре отряда. Они расположились в старице: передовая часть впереди по пятьсот человек по обеим сторонам дороги, а оставшиеся засели в зарослях тростника на этой

стороне старицы по пятьсот человек по обеим сторонам дороги. И ровная и широкая дорога пролежала между ними.

25.

1. И в эту ночь встал сын фараонов и пошел в покои отца своего, чтобы отца своего заколоть мечом. И стража отца его преградила ему путь к отцу его, говоря: “Что прикажешь, господин?” 2. И сказал им сын фараонов: “Я желаю видеть отца моего, потому что отправляюсь я срезать виноград мой, новосаженный”. 3. И сказали ему стражники: «Головная боль мучает отца твоего, и не спал он всю ночь и только сейчас задремал немного. И сказал он нам: “Пусть не беспокоит меня никто, даже мой сын первородный”».

4. И услышав такое, поспешил удалиться сын фараонов и, взяв с собою пятьдесят мужей, конных лучников, отправился в путь, чтобы по уговору своему с Даном и Гадом опередить их.

5. И сказали братья младшие, Неффалим и Асир, братьям своим: “Зачем снова злоумышляете против отца нашего, Израиля, и против брата нашего, Иосифа? Хранит его Господь, как зеницу ока. Разве вы уже не продали его однажды, а ныне он – царь всей земли Египетской, и спаситель, и хлебодарец? 6. И теперь, если вновь попытаетесь строить против него козни, то воззовет он к Всевышнему, и Тот пошлет огонь с неба, и пожрет он вас, и ангелы Божии будут сражаться за него против вас”. 7. И разгневались на них старшие братья их, Дан и Гад, и сказали: “Так что же? умирать нам, как будто мы женщины? Не бывать этому!” 8. И вышли они навстречу Иосифу и Асенет.

26.

1. А Асенет встала утром и сказала Иосифу: “Отправляюсь я, как было уговорено, на поле наследия нашего. Но душа моя трепещет, что ты будешь вдали от меня”. 2. И сказал ей Иосиф: “Мужайся и не страшись, поезжай, ибо Господь – с тобою, и от любого зла Он сохранит тебя, как зеницу ока. 3. Поэтому и я отправлюсь в хлебодарню мою и буду раздавать всем хлеб, да не опустеет вся земля пред лицом Господа”. 4. И отправилась Асенет в путь свой, а Иосиф отправился в хлебодарню свою.

5. И достигла Асенет места, где пролежала старица, и шесть сотен мужей сопровождали ее; и вдруг выскочили из засады те, кто там засел, и завязали бой с людьми Асенет, и рубили их пастями мечей, и перебили всех гонцов ее, а Асенет помчалась вперед на своей повозке.

6. И все это Левий, сын Лии, будучи пророком, узнал духом и возвестил братьям своим, сынам Лии, что Асенет в беде. И взял каждый меч и возложил на бедро свое, и взяли все щиты и возложили на плечи свои, и [взяли] копья свои в десницы и помчались они вдогонку Асенет.

7. И неслась вперед Асенет, как вдруг – сын фараонов очутился перед нею, и с ним пятьдесят всадников. 8. И увидела его Асенет, и испугалась, и пришла в смятение, и задрожала всем телом. И призвала она имя Господа Бога своего.

27.

1. А Вениамин сидел слева, рядом с Асенет, на краю повозки ее. И был Вениамин юношей восемнадцати лет – рослый, и сильный, и статный, и была у него красота несказанная и сила, как у молодого льва, и весьма боялся он Господа. 2. И соскочил Вениамин с повозки, и поднял круглый камень из старицы, и сжал его крепко рукой своей, и метнул в сына фараонова, и поразил его в левый висок, и тяжело ранил его. 3. И упал сын фараонов с коня своего на землю полумертвый. 4. И вскочил Вениамин, и забрался на валун, и сказал возничему Асенет: “Принеси мне камней из старицы”. 5. И дал ему тот пятьдесят камней. И метал Вениамин пятьдесят камней и поразил пятьдесят мужей, бывших с сыном фараоновым. И все эти камни вонзались им в виски.

6. А сыны Лии, Рувим и Симеон, Левий и Иуда, Исахар и Завулон, мчались следом за мужами, сидевшими в засаде, и напали на них внезапно и порубили их всех, и шестеро положили две тысячи.

7. И побежали от лица их братья их, сыновья Валлы и Зелфы, и так говорили: “Смерть грозит нам от братьев наших, и сын фараонов убит рукой юноши Вениамина, и все, кто был с ним, пали от руки одного юноши Вениамина. 8. Давайте же теперь уьем Асенет и Вениамина, и бежим в эти заросли тростника”.

9. И бросились они на Асенет, обнажив мечи свои окровавленные. 10. И увидела их Асенет, и испугалась весьма, и сказала:

Господи, Боже мой,
Ты возвратил меня к жизни
и избавил меня от идолов и тления смертного,
Ты сказал мне: вовек будет жить душа твоя.
Избавь меня от рук этих злых людей.

11. И услышал Господь Бог голос Асенет, и тотчас выпали мечи из рук их на землю и в прах рассыпались.

28.

1. И увидели сыны Валлы и Зелфы такое великое дело, и весьма устрашились, и сказали: “Господь сражается против нас на стороне Асенет”. 2. И пали они ниц на землю, и простерлись перед Асенет, и сказали: “Помилуй нас, рабов твоих, ибо ты – госпожа наша и царица. 3. Причинили мы зло тебе и брату нашему, Иосифу, и Господь воздал нам по делам нашим. 4. А теперь мы, рабы твои, просим тебя, помилуй нас и избавь нас от рук братьев наших, ибо ныне они мстители за насилие над тобою, и мечи их против нас направлены. 5. И знаем мы, что братья наши – мужи благочестивые и никому злом за зло не воздающие. 6. А потому, госпожа, у них на глазах яви милость к рабам твоим”.

7. И сказала Асенет: “Мужайтесь и братьев ваших не бойтесь, потому что они – мужи благочестивые, боящиеся Бога и чтущие всякого человека. Но ступайте в те заросли тростниковые, пока я не склоню их к милости к вам и не успокою гнев их, ибо вы покусились на великое против них злодеяние. Так что мужайтесь и не бойтесь, ибо Господь будет у нас судьей”. 8. И убежали в заросли тростниковые Дан и Гад и братья их.

И вот, налетели им вслед сыны Лии, мчащиеся словно молодые олени. 9. И спустилась Асенет с повозки, на которой она спасалась, и со слезами сжала руки их, и они, пав на землю, простерлись перед ней, и вскричали криком великим, и бросились искали братьев своих, сыновей отца своего, чтобы убить их.

10. И сказала им Асенет: “Я прошу вас: пощадите братьев своих и не воздавайте им злом за зло, ибо Господь был мне щитом от них, и Он сокрушил мечи их в руках их, и вот, растеклись

они по земле, как воск от огня. И довольно с них того, что Господь за нас против них сражается. 11. И вы пощадите их, ибо братья они ваши и кровь отца вашего, Израиля”.

12. И сказал ей Симеон: “Зачем госпожа наша заступается за врагов своих? 13. Нет, мы изрубим их мечами нашими, потому что они первыми замыслили зло против нас и отца нашего, Израиля, и во второй уже раз против брата нашего Иосифа, а теперь и против тебя – госпожа и царица наша”.

14. И протянула Асенет правую руку свою, и коснулась бороды Симеона, и поцеловала его, и сказала: “Нет, брат, ты никогда не отплатишь злом за зло ближнему своему. Ты оставишь Господу воздать за дерзость их. И они – братья ваши, и потомство отца вашего, Израиля, и далеко бежали они от лица вашего. Имейте же к ним снисхождение”.

15. И подошел к ней Левий, и поцеловал руку ее правую, и понял он, что хочет она спасти этих мужей от гнева братьев их, чтобы их не убили. 16. А те были совсем рядом, в зарослях тростниковых. 17. И знал это Левий, брат их, и не рассказал братьям своим. Ведь он боялся, как бы в гневе своем они их не поубивали.

29.

1. А сын фараонов приподнялся с земли, и попытался встать, и выплевывал кровь изо рта своего, потому что кровь с виска натекла ему в рот. 2. И подбежал к нему Вениамин, и схватил меч его, и вытащил его из ножен, потому что не было у Вениамина меча на бедре его, и хотел в грудь поразить сына фараонова.

3. Но подбежал к нему Левий и сдержал руку его и сказал: “Нет, брат, ты никогда этого не сделаешь, потому что мы – мужи благочестивые, и не подобает мужу благочестивому ни злом за зло воздавать, ни павшего попирать, ни врага своего добивать. 4. А теперь – верни свой меч на его место и помоги мне, и мы излечим сына фараонова от раны его, и если он останется жив, то будет после этого нам другом, и отец его, фараон, будет нам как отец”.

5. И поднял Левий сына фараонова с земли, и омыл кровь с лица его, и повязку наложил на рану его, и усадил на коня его, и доставил к отцу его, фараону, и поведал фараону обо всем, что

<здесь> рассказано. 6. И встал фараон с престола своего, и поклонился Левию до земли, и благословил его.

7. А на третий день умер сын фараонов от раны, которую нанес ему камнем юноша Вениамин. 8. И фараон горько плакал по сыне своем первородном, и от печали занемог, и умер фараон ста девяти лет, и оставил венец свой Иосифу.

9. И царствовал Иосиф в Египте сорок восемь лет, а после передал Иосиф венец младшему сыну фараона, который грудным младенцем был, когда фараон умер. И был Иосиф как отец сыну фараона младшему в земле Египетской во все дни жизни его.

¹ Стих 10 по нумерации в издании Рисслера (*Riessler P. Joseph und Aseneth: Eine altjüdische Erzählung // Theologische Quartalschrift. 1922. N 103. S. 1–22, 145–183*). Издание Бурхарда преинства ради сохраняет пагинацию немецкого перевода-предшественника, но вносит в нее необходимые с точки зрения издателя коррективы. Так, Бурхард исключает стих 10, указывая на почти точное повторение его в в конце ст. 13.12 и начале ст. 13.13.

*Перевод с древнегреческого Н.В. Брагинской,
М.С. Касьян, В.В. Пислякова, А.И. Шмаиной-Великановой*

Н.В. Брагинская, А.Ю. Виноградов,
А.И. Шмаина-Великанова

БЫЛ ЛИ КРЕСТ НА МЕДОВОМ СОТЕ?¹

1. “Иосиф и Асенет” и Новый Завет

“Иосиф и Асенет” (далее – ИА) – апокриф, сохраненный только христианской традицией, которая в том или ином смысле считала это произведение “своим”. Его переписывали, переводили на языки средневекового христианского мира [сирийский, эфиопский (перевод не сохранился), армянский, латинский, славянский, среднеанглийский, румынский, новогреческий]², а в армянской традиции включали, наряду с другими апокрифами, в состав Библии³, его влияние можно с той или иной степенью уверенности обнаружить в ряде ранневизантийских житий⁴. Что же касается содержания произведения, то естественное для Средних веков символическое прочтение священного текста затронуло и этот апокриф.

Анонимный автор письма, предпосланного сирийскому переводу-парафразу, просит Моисея из Аггелы (Ингилы) о разъяснении смысла этой истории. Сама история была ему ясна, но не была ясна “теория”, иными словами христианское толкование рассказа о женитьбе Иосифа на дочери египетского жреца. Сохранилось начало этого толкования – в ответном письме, согласно которому речь идет о воплощении Бога-Слова, причем Иосиф – это тело, а Асенет – душа⁵.

Винсент де Бове включил краткое латинское переложение этой истории в свой *Speculum historiale* (1260), к латинскому переводу восходит и французская повесть XIV в. *Ystoire de Joseph et Aseneth* и поэма на среднеанглийском *Storie of Asneth*, где Асенет явно выступает ветхозаветным прообразом Девы Марии⁶. О богатейшем наследии повести в христианской культуре подробно написал ведущий исследователь этого памятника и составитель его критического издания Кристоф Бурхард, и нам достаточно здесь отослать к его работе⁷.

Научный интерес к ИА возник достаточно поздно. Когда первое издание греческой рукописи увидело свет в конце XIX в., его автор П. Батиффоль не сомневался в том, что ИА – это сочинение христианина, жившего в V в.⁸ Такую точку зрения поддержал Э.В. Брукс, переведивший издание Батиффоля на английский. Он видел в упоминании “хлеба жизни”, “чаши бессмертия” и “помазания нетления” указание на Евхаристию и Миропомазание, а в превознесении девственности и прощения – ценности, почтения к которым, по его мнению, нельзя ожидать от иудейского сочинения⁹.

Такое мнение встречается повсеместно в позднейшей научной литературе, хотя сам Батиффоль со временем усомнился в однозначности своих выводов¹⁰. Впрочем, и Батиффоль, и другие исследователи предполагали, что в основе христианского сочинения лежит некая еврейская легенда.

Хотя догадки о еврейском происхождении апокрифа высказывались уже в рецензиях на издание Батиффоля¹¹, поворотом в вопросе о происхождении стали работы Рисслера¹² и Аптовицера¹³, которые утверждали, что текст переводной, постулируя существование утраченного еврейского оригинала. Рисслер при этом опирался на наличие в тексте большого числа калек с еврейских выражений. Этот аргумент не имеет, однако, достаточной силы, так как для грекоязычной литературы еврейской диаспоры язык Септуагинты, содержащий подобные кальки, являлся естественным литературным языком, а кальки, таким образом, – литературной нормой¹⁴.

Иное дело – Аптовицер, который обнаружил языковую “игру”, точнее, введенный в самое сердце повести сакральный “каламбур”, исчезнувший в греческом тексте и понятный только при обратном переводе на древнееврейский (или арамейский). Наречение Асенет в центральной мистериальной сцене новым именем – “Град убежища” по-древнееврейски или по-арамейски должно было бы звучать как переименование Асенёт – לַבֵּן (*Разрушенная*, или *Руина*), но не собственного имени, а нарицательного, причем с определенным артиклем, т. е. Ха-асенёт – в Хасенет. Иными словами, Ха-Асенёт לַבֵּן (*Разрушенная*) переименована в Хасенет לַבֵּן (*Защищающая*), а с определенным ар-

тиклем – в Ха-Хасенет, לחסנת, что значит *Убежище*. В семитском оригинале переименование выглядело очень изящно – как замена двух слов с близким звучанием, но резко противопоставленным значением: hАсенет=*Разрушение* переименована в (ha)Хасенет=*Убежище*¹⁵. После Аптовицера и другие исследователи увидели в ИА не замеченную прежде игру слов, понятную лишь из древнееврейского языка: игра на омоформности множ. числа для “словá” – *дварим* и “пчелы” – *дворим* и др.¹⁶ Тем не менее не найдено даже фрагментов на древнееврейском или арамейском, которые бы отвечали греческому тексту апокрифа, хотя другие истории об Асенет на этих языках существовали. В еврейской и арамейской традиции нет и свидетельств знакомства с такой трактовкой истории Асенет, как в греческом апокрифе, и, наконец, целый ряд выражений и сложных греческих слов апокрифа не могли бы появиться в результате перевода¹⁷. Иными словами, имеющаяся в нашем распоряжении греческая повесть, во-первых, была написана по-гречески, во-вторых, ее содержанию не находится близкого соответствия в еврейской традиции на древнееврейском или арамейском.

В последние десятилетия развилось начатое Г.Д. Килпатриком и Й. Иеремасом¹⁸ изучение ИА как источника, важного для понимания иудейских корней христианства. Бурхард датирует памятник периодом от второй половины – конца II в. до н. э. до конца I в. н. э. – начала II в. н. э. При этой принятой как общее мнение датировке ИА может и предшествовать возникновению христианских текстов, и возникнуть одновременно, и находиться под их влиянием. Многие авторы возвращаются поэтому к теме христианского в ИА, и движимы они при этом некоторыми действительно необычными для нехристианских сочинений свойствами этого текста¹⁹.

Что же делало христианским сочинение о женьте еврейского патриарха Иосифа на дочери египетского жреца? Дело в том, что в нем встречаются такие образы, такие мысли и такие положения, которые убеждали многих исследователей, что если апокриф и не был изначально написан христианами, то он был отредактирован христианским автором или в него были внесены соответствующие вставки.

Прежде всего это некоторые выражения, знакомые более всего по новозаветным книгам, которые кажутся поэтому цитатами из Нового Завета (далее – НЗ): *хлеб жизни* (Ин 6:48²⁰), *чаша благословения* (1 Кор 10:16²¹), *книга жизни* (Фил 4:3, Откр 3:5, 13:18, 17:18, 20:12 и 15, 21:7, 22:19), *дар духа* (Деян 2:38, 10:35), *дух мудрости* (Ефес 1:17, ср. 1 Кор 12:8), *дух истины* (Ин 15:26; 16:13), *дух жизни* (Откр 11:11, Рим 8:2).

Естественно, такого рода отдельные выражения предлагали объяснить либо христианским происхождением памятника, либо “христианской интерполяцией”²². Действительно, иудейские апокрифы, которые сохранялись и переписывались по-гречески или на других языках средневекового христианства, подвергались такого рода благочестивой редактуре, как сознательной и “грубой”, так и бессознательной и “тонкой”²³. Однако наличие названных выражений в новозаветных книгах не является свидетельством того, что они и появились впервые именно в этих текстах. Ведь у всех есть прототипы в Септуагинте (далее – LXX).

Таков *хлеб неба*²⁴, *хлеб ангелов*²⁵, *хлеб печали*²⁶, *хлеб беззакония*²⁷, *хлеб притеснения*²⁸, *хлеб оплакивания*²⁹, *хлеб слез*³⁰. В LXX встречаются аналогичные *чаше благословения* выражения *чаша спасения*³¹, *чаша десницы Господней*³², *чаша опустошения*³³, *чаша падения*³⁴. *Дух мудрости* (или *премудрости*) имеет параллель в Книге пророка Исаяи (11:2), Исходе (31:3; 35:31); во Второзаконии (34:9) и Исходе (28:3) в оригинале тоже *руах хохма*, но в LXX *хохма* передается не словом σοφία, а другими греческими синонимами (αἰσθησεως, συνεσεως). *Дух жизни* открывает Библию в Бытии (6:17, 7:15; 22) и встречается еще неоднократно, а *Книга Жизни* из Откровения находит соответствие в *Книге Живых* (Псалмы 69:28; LXX – 68:29).

Несколько сложнее обстоит дело с выражением *дар чего-либо*. В 19.11. Иосиф трижды целует Асенет и дарует ей дух жизни, дух мудрости и дух истины. Эти *духовные дары* заставляют вспомнить о выражениях НЗ, тем более что в другом месте Асенет противопоставляет тленные дары своего земного отца не-тленным дарам Господа, но текст в этом месте небесспорен³⁵.

В принципе такая конструкция, где второе слово обозначает характеристику дара, известна в Ветхом Завете (далее – ВЗ): *дар*

начатков (Лев 2:12), дар жертвенный (Лев 2:13), дар серебра (Суд 5:19), дар Бога (дар Божий) (Эккл 3:13 и 5:18) и не переданные в LXX (а греческая Библия для нас в данном случае важнейшей еврейской) дары неба, дары бездны и дары земли (Втор 33:13; 16). Однако в ВЗ такие дары более редки и более “материальны” в сравнении с НЗ, где вкусившие их “делаются сопричастниками Духа Святого”: это не только дар Духа (Святого), но и сочетания с абстрактными существительными: дар праведности (Рим 5:17), дар благодати (Эфес 3:7), дар от научения [Прем 7:14 (ἐκ παιδείας)], дар небесный (Евр 6:4).

Таким образом, примеры или модели названных выражений как для ИА, так и для НЗ содержатся в LXX. Выражения хлеб жизни, чаша благословения и дух истины имеют точные соответствия только в НЗ, хотя последнее из них можно считать синонимом в ряду духов мудрости, разума, знания, совета (Ис 11:2). Добавим к этому, что Книга Живых не точно соответствует Книге Жизни и что в Откровении это повторяющийся и важный, как и в ИА, мотив, а в ВЗ – единичное выражение.

Впрочем, уникальные схождения между ИА и НЗ могут объясняться общей идейной средой так называемой межзаветной литературы. Так, продуктивность модели чаша чего-то показывает противоположное чаше благословения выражение чаша смерти в “Завещании Авраама” (1.10; 16.38; 16.42). Для хлеба возможны эпитеты небесный, ангельский и др., для дара – правды и истины³⁶. Дух мудрости есть в Первой книге Еноха (49:3; 61:11), дух жизни – в Первой книге Еноха (61.7), “Завещании Рувима” (2.4), Четвертой книге Ездры (3:5), “Завещании Авраама” (18.11), а “уникальный” для НЗ дух истины – в кумранском памятнике “Устав общины” (1QS 3.19; 4.2; 4.21) и в “Завещании Иуды” (20.1; 20.5). Это не случайно. Вероятно, дух истины в ИА – отражение засвидетельствованного в межзаветной литературе представления о двух духах, сопровождающих человека: духе правды и духе лжи (см. “Завещание XII патриархов” Иуда, 20, и “Устав общины” 1QS 3.18-19 и др.).

Возвращаясь к соответствиям ИА с НЗ, следует отметить, что они совсем не единичные, но вопрос о природе подобных схождений остается открытым. Предположения тут могут быть самые разные (особенно при проблематичности датировки па-

мятника), а объяснение должно прийти от более глубокого изучения настоящего памятника в целом.

Особенное внимание исследователей НЗ привлекло выражение “первородный сын Божий”, как дважды именуется Иосиф (18.1 и 21.4), в сравнении с Посланием к римлянам (8:29), где это выражение применено к Иисусу.

Но если отдельные выражения могут быть так или иначе объясняться ad hoc, то сходство с новозаветными книгами гораздо глубже наличия/отсутствия тех или иных выражений, которые действительно можно интерполировать. Невозможно другое: “интерполировать” в ИА дух доброй надежды на всеобщее спасение и воцарение Бога над обновленным человечеством, невозможно не заметить терпимости и открытости, готовности прощать врагов. Даже Дева Метаноя, олицетворение Раскаяния-Обращения, небесный двойник Асенет, вечно смеется, а не вечно плачет. Близкой этическим требованиям христианства представляется заповедь “не воздавать злом за зло”, которая настойчиво повторяется во второй части повести: “муж богобоязненный не отвечает злом на зло” (23.9; 28.5, 10, 14; 29.3)³⁷.

К этому можно добавить целый ряд сложных понятий и представлений, характерных для христианства, таких как тождество обращения и нового сотворения человека (8.9; 15.5, 7), как представление об уже наступившем “эсхатоне” или, выражаясь антимически, уже наставшем будущем, потому что хотя Асенет уже преображена в Град убежища, но народы, обратившиеся к Богу, найдут в ней упокоение, и спасение осуществляется во времени как процесс. Спасение уготовано всем, кто обратится к Господу, при этом высказывается ясная убежденность, что язычники именно так и поступят и будут спасены. Если христиане спасаются “во Христе” (это означает, собственно, что они спасаются посредством Христа, через Него), то в ИА язычники спасаются “в Асенет” (15.7³⁸). При этом народы спасаются не только метафорически “посредством Асенет” или “при помощи Асенет”, но и буквально “в ее стенах”, потому что обращение Асенет к истинному Богу сопровождается преображением ее, так сказать, природы. Она остается человеком, выходит замуж, рождает сыновей, но и становится Дщерью Всевышнего (21.7). Ее

преображенный человеческий облик описывается в терминах “космических”, но видящие ее люди потрясены обликом все-таки девы, чья красота, как в Песни Песней, описывается в экспрессивных и не вполне антропоморфных образах (см. 18.9-11 и 20.6-7)³⁹. А вот ее второй облик – Города с алмазными стенами на седьмом небе, который видит пророчески зоркими глазами Левий, хотя при этом держит Асенет-женщину за руку (22.13), – порывает с человеческим радикальней. Образы, в которых описывается дева Асенет, только “подозрительны” с точки зрения антропоморфизма, облик же Асенет-Города уже явственно не антропоморфный⁴⁰. Библейский образ женщины-города⁴¹ разделен на женщину и город, существующих параллельно в двух планах – земном и небесном, в настоящем и в уже наставшем будущем. Еще одна особенность апокалипсиса в ИА, по-видимому, и вовсе уникальна: это едва ли не единственное откровение, которое не рисует на фоне спасения праведников гибели и уничтожения нечестивцев и врагов.

Правда, в ИА описывается загадочная попытка, вернее, только намерение, части удивительных пчел, пестрящих цветами облачения священников⁴², напасть на Асенет, и эти пчелы сначала падают мертвыми, затем они воскресают и отправляются не на небо, как другие, а в прекрасный сад героини⁴³. Кого бы ни символизировали эти пчелы, каких бы грешников они ни представляли, их прощение следует за их наказанием без промедления и мало похоже на страшные картины всеобщей гибели и страданий, которые и сделали прилагательное “апокалиптический” синонимом слов “ужасный”, “катастрофический”, “несущий погибель”.

Наконец, исполненная надежд на всеобщее счастье в Царстве Божиим повесть содержит, по мнению многих ее интерпретаторов, сцену, напоминающую об Евхаристии. Это центральная сцена мистерии, во время которой Асенет вкушает от медового сота, на котором небесный вестник рисует пальцем кровавый крест и который именуется “хлеб жизни”, как называет себя и Иисус.

Совместное с Человеком вкушение хлеба жизни было понято первыми исследователями ИА как Евхаристия, а медовый сот был уподоблен Христу как жертве⁴⁴.

2. Чудесный сот: что он такое и что с ним происходит?

От этого первоначального представления исследователи НЗ отказались уже в середине прошлого века. Выше мы говорили о Килпатрике и Йеремиасе, они усматривали в медовом соте и триаде хлеба-чаши-умощения символ особой, “чистой”, пищи евреев, а в священной, и при этом повседневной, пище – символ религии общей для евреев и резко отличной от прочих, образец жизни *more Iudaico*⁴⁵. Этой интерпретации следует в общих чертах и Р. Чеснат⁴⁶. Однако мы полагаем, что, хотя в ИА несомненно описывается обращение в веру Израиля, не следует объяснять медовую трапезу Асенет через повседневную практику евреев. Происходящее с Асенет преобразование – это не “просто” обращение и присоединение к народу Израиля. В ИА содержится не литературное описание факта обиденной жизни, но символическое изображение образца для этой жизни.

Дискуссия о значении медового сота строилась преимущественно на попытках назвать то сообщество или ту ситуацию, при которой эта триада, или мед, или то и другое получали бы осмысленный контекст. Например, мед – это пища, вкушаемая при мистериальной инициации⁴⁷. Образы апокрифа мыслятся в этом случае отражающими реальную практику инициации: замену медом хлеба, вина и умощения⁴⁸. Но о такой практике ничего не известно, поэтому объяснение идет по кругу. Делались попытки объяснить появление медового сота древней практикой вскармливания медом новорожденных: поскольку обращение Асенет представлено как новое рождение, то и мед указывает на Асенет как новорожденную. Пища новорожденных и священная пища новопосвященных действительно уравнивались, и мед тут может выступать на равных правах с молоком⁴⁹. Эти и другие соображения о семантике меда верны и справедливы, но, так сказать, не специфичны. Мед считался пищей богов или поэтов, он дает жизнь и сохраняет от тления, связан с даром слова, является даром небес или делается пчелами из росы – все это представления общие для культур Средиземноморья⁵⁰. И роль подобной семантики меда в превращении Асенет в бессмертное существо несомненна.

В своем обзоре различных попыток связать сот с терапевтами и эссеями и гипотетическими мистериальными культурами эллинистического периода Б. Линдарс приходит к мысли, что обнаружить какие-либо реальные практики в описаниях ИА невозможно⁵¹. Происходящее, разумеется, представлено в образах мистериального посвящения, но даже использование такого образного языка не говорит о существовании подобной мистерии как о реальной практике, хотя несомненно свидетельствует о том, что у автора ИА были какие-то представления о мистериях и что он не был им враждебен.

Аналогично поступает Линдарс и с параллелями с НЗ. Сравнительная ИА с новозаветными текстами, он приходит к выводу, что в иудейском апокрифе присутствуют образы, “похожие” на образы Евхаристии. Это не означает, однако, что первоначальная Евхаристия была подобна мистериальной сцене в ИА. Сходство говорит о единстве образного и символического тезауруса эллинистических иудеев и ранних христиан, которые могут существовать параллельно.

Из трактовок медового сота, выдвинутых за последние два десятилетия, стоит указать на две: предельно конкретную⁵² и предельно символическую⁵³.

Первая, принадлежащая Г. Бохаку, строится прежде всего на том, что сотов *два*: тот, что лежал в кладовой, и тот, что построен на устах Асенет. Поскольку, как убедительно показывает автор, необычная окраска пчел явным образом отсылает к цветам храмовых тканей или одеяний священников, то в соте, населенном пчелами-священниками, и в соте, который они строят, он видит два храма – Иерусалимский и Онии. Это логически ведет Бохака к нескольким сомнительным допущениям. Первое состоит в том, что сгорающий сот изображает грядущую гибель Иерусалимского храма, которую пророчат ониаты, второе – что сот на устах Асенет изображает храм Онии. Между тем сгорание сота не производит впечатления ни наказания, ни катастрофы, не говоря уже о том, что отношение ониатов к Иерусалиму, как кажется, исключает столь нелояльное пророчество. Кроме того, сот на устах Асенет, если это храм Онии, должен так навсегда и остаться у нее на устах. Наконец, если обещание, что Асенет ста-

нет Градом убежищем, служит пророчеством о поселении евреев в гелиопольском номе, то по отношению ко времени действия повести – это далекое будущее. Однако апокалиптика в ИА не устремлена в будущее, все, что сказано, уже свершилось (16.16; 18.9, 11; 19.4-8). Хотя гипотеза о создании ИА в общине ониатов имеет много привлекательных сторон (см. наш P.S. Sitz im Leben?), толкование того, что происходит с сотом, является, на наш взгляд, наиболее уязвимой ее частью.

А.Э. Портъ-Янг основывается в своем толковании на символах, содержащихся в Септуагинте, и толкует апокриф, исходя из разумного предположения, что образный тезаурус автора ИА строится на Библии. Хорошо известен библейский образ обетованной земли как земли, текущей молоком и медом. В Исходе (8:3) и далее эта земля символизирует место спасения для избранных, заключивших Завет с Богом, у Иеремии ее даруют тем, кто, как и Асенет, оставил чужих богов ради единого Бога (Иер 11:2-10). Помимо этого, образ Асенет в нашем памятнике сблизается с обетованной землей, уделом избранных. И кроме того, в Библии говорится о земле, текущей молоком и медом, как о земле наследия, наследственном уделе (см., например, Числ 16:14, Сир 48:6). И когда Асенет хочет послать слугу за *медом* на поле своего *наследия*, эти образы встречаются: вот где мед – на поле наследия Асенет (16.4). В покаянном псалме (12.15) Асенет снова упоминает *наследие* отца, но как тленное *наследие* в отличие о вечного *наследия* Бога. Поэтому мед, дающий вечную жизнь, оказывается не в имении на поле наследия, он чудесным образом появляется в кладовой Асенет (=сокровищнице храма). В отличие от праотцев, Асенет получает не землю, текущую молоком и медом, а через вкушение меда вечную жизнь Града убежища. Быть Градом убежища на седьмом небе – это больше, чем быть обетованной землей.

Портъ-Янг считает, что Асенет берет на себя “материнские” функции божества, функции защитницы, воспитательницы, т. е. Премудрости. Она именуется $\mu\eta\tau\epsilon\rho\upsilon\pi\omicron\lambda\iota\varsigma$, городом-матерью для всех, кто прибегнет к Богу⁵⁴. Словосочетание “град убежища” известно как термин для шести городов, где могли укрыться от кровной мести совершившие невольное убийство (Числ 35:11-14).

Новое имя Асенет, Град убежища, переосмысляет эту библейскую реалию: Асенет воплощает божественное прощение. В Библии сладость, которую символизирует мед, характеризует божественные веления и божественную мудрость⁵⁵. Но когда Асенет в своем обращении к Богу прославляет сладость Бога, она очевидным образом понимает мудрость как милость: “Помилуй меня, Господи, / и спаси меня, деву чистую, / покинутую и осиротевшую, / ибо Ты, Господи, – отец *сладостный*, / благой и всепрощающий. / Какой отец *сладостней* Тебя, Господи? / И кто так скор на милость, / как Ты, Господи? (12.14-15).

Разным группам пчел, о которых шла речь выше, отвечают во второй части ИА братья, пытавшиеся похитить Асенет для сына фараона, и братья, ее защищавшие и противостоявшие сыну фараона. Братья-отступники потерпели поражение и были прощены. Символически все вместе братья Иосифа представляют Израиль или даже всех людей вообще как братьев, разделенных на доблестных и грешных, но раскаявшихся и прощенных. Именно Асенет прощает напавших на нее братьев и заступает за них, когда они раскаиваются в содеянном.

Толкование Портъе-Янг представляется нам более удачным, прежде всего потому, что оно не требует никаких дополнительных гипотез, не привлекает недостаточно известных реалий, не предполагает исторически конкретных событий, для этого толкования достаточно того источника, который несомненно был в распоряжении автора ИА и есть в нашем – Ветхого Завета.

Но все-таки многого недостает как в одном, так и в другом из этих толкований. Ведь с сотом Человек что-то делает, и его действия пальцем ориентированы по сторонам света. То ли с востока на запад и с севера на юг он проводит по соту пальцем, и от пальца остается кровавый след, то ли он тянет линию на себя последовательно с востока и севера. Но где он тогда стоит?

М. Филоненко⁵⁶, как и другие, считал, что божественный вестник рисует на соте кровавый крест; осторожный Бурхард сомневался, но ничего другого не предложил⁵⁷.

Ни Бохак, ни Портъе-Янг не пытаются дать интерпретацию кровавому кресту, который появляется на таинственном медовом соте. Крест – столь характерный христианский символ, что

никто не мог его не заметить, и для первых исследователей ИА крест очевидно свидетельствовал о христианском характере произведения.

Наш собственный анализ символики медового сота мы намерены вести в дальнейшем, не только интерпретируя отдельные элементы сцены с сотом, но и все действия, которые Человек производит с ним, начиная от просьбы принести сот и включая начертание на соте загадочного кровавого креста. Ведь при всей универсальности и центральности символа крестной муки такой крест на медовом соте и для христианской традиции и уникален, и загадочен.

Мы начнем с рукописной традиции, потому что в данном месте повести существуют серьезные разночтения и потому что “крест”, как мы надеемся показать, возник в тексте в результате одного из возможных вариантов реконструкции: достраивание непонятных движений Человека до изображения креста (прямо не названного) на медовом соте было доведено до наибольшей связности в одном из выполненных христианами переводов, а именно в армянском. Поэтому, прежде чем делать выводы о смысле креста, начертанном на соте, нужно попытаться установить, есть ли самый этот крест в тексте.

Главным достижением автора критического издания “Иосиф и Асенет” Бурхарда является то, что на основе анализа всех рукописей оригинала и всех переводов ИА он выявил сложнейшую историю рукописной традиции, ставившую в тупик и приводившую к ложным выводам почти всех предшествующих исследователей. Достаточно рано текст памятника разошелся на две ветви, одну из которых составляют армянский и так называемый второй латинский перевод (ArmL2), а вторую – остальные версии (причем предпочтенная Филоненко “краткая” редакция текста оказалась лишь одной из семей этой второй ветви – VD-Slaw)⁵⁸. На основе сопоставления двух этих ветвей Бурхард и реконструировал первый по-настоящему критически выверенный текст ИА. Однако в некоторых случаях оказалось, что различные версии памятника сильно расходятся или вообще опускают отдельные фрагменты, так что реконструкция оригинала становится затруднительной и зависит во многом от личного вы-

бора издателя. К таким случаям относится и рассматриваемый нами ниже фрагмент.

В кульминационный момент явления деве Асенет некоего божественного Человека, архистратига небесных воинств, он, возвратив целость чудесному соту, от которого перед тем отломил кусок, производит над ним новое, загадочное действие. Бурхард, признаваясь в сложности реконструкции, представляет текст этого эпизода следующим образом:

16.17. Καὶ <πάλιν> ἐξέτεινε ὁ ἄνθρωπος τὴν χεῖρα αὐτοῦ <τὴν δεξιάν> καὶ ἐπέθηκε τὸν δάκτυλον αὐτοῦ εἰς τὸ ἄκρον τοῦ κηρίου <τὸ βλέπον> κατὰ ἀνατολὰς <καὶ εἴλκυσεν ἐπὶ τὸ ἄκρον τὸ βλέπον κατὰ δυσμάς,> καὶ ἡ ὁδὸς τοῦ δακτύλου αὐτοῦ ἐγένετο ὡς αἷμα.
16.18. Καὶ ἐξέτεινε τὸ δεῦτερον τὴν χεῖρα αὐτοῦ καὶ ἔθηκε τὸν δάκτυλον αὐτοῦ ἐπὶ τὸ ἄκρον τοῦ κηρίου <τὸ βλέπον> πρὸς βορρᾶν <καὶ εἴλκυσεν ἐπὶ τὸ ἄκρον τὸ βλέπον πρὸς μεσημβρίαν,> καὶ ἡ ὁδὸς τοῦ δακτύλου <αὐτοῦ> ἐγένετο ὡς αἷμα.

“И [вновь] простер Человек свою [правую] руку и наложил перст свой на край сота, [обращенный] на восток, [и потянул до края, обращенного на запад,] и след перста его стал как кровь. И второй раз простер он руку и положил перст свой на край сота, [обращенный] на север, [и потянул до края, обращенного на юг,] и след перста [его] стал как кровь”.

В скобках Бурхард дает те слова, которые не сохранились в греческих версиях текста и восстанавливаются по древним переводам. Этот эпизод в том или ином виде сохранился в GSyr-Arm435&L1d. Главное расхождение между этими версиями заключается в понимании действий Человека после того, как он положил свой палец на край сота.

Бурхард трижды восстановил τὸ βλέπον “обращенный”. Хотя в описании ориентации края сота слово “обращенный” засвидетельствовано только в BD, его следы обнаруживаются тем не менее и в Slaw, Arm, L1 и, опосредованно, в Syr (et tetigit eum visibiliter a *latere* eius orientali – “и коснулся его так, что это заметно, с его восточной стороны”).

После того как Человек положил палец на край сота, следует действие, ключевое во всем эпизоде. Это действие греческая семья d опускает, а ArmL1GSyr описывают, но настолько по-разному, что Бурхард отмечает это место круксом.

Сам он следует чтению Arm, которое, в присущей этому ученому осторожной манере, переводит на немецкий следующим образом: und zog (führte?) zur Seite (zum Rand?), die/der blickte nach Westen. Это чтение можно понимать двояко: либо Человек провел пальцем по соту с востока на запад, либо после восточного края он перенес палец к западному. В пользу первого говорит принятое Бурхардом чтение τὸ δεῦτερον (“во второй раз”) при описании следующего аналогичного действия Человека на северном и восточном краю сота. Однако можно понимать это выражение и как введение второй оси, север–юг, после первой, восток–запад (то же относится и к вероятному двукратному повторению слов “и след его пальца стал как кровь”), и обратить внимание на его замену в 435&Syr на iterum или rursus – *снова, опять*.

Второму пониманию (перенос пальца от одного края к другому) вроде бы противоречит также реконструированный Бурхардом (на первый взгляд вполне обоснованно) глагол “потянул, потащил” – εἴλκυσεν (traxit Syr, retraxit L1). Однако анализ других версий текста заставляет усомниться в первом понимании, согласно которому Человек проводит пальцем по соту с востока на запад, а потом с севера на юг, образуя тем самым на нем крест.

Дело в том, что L1 и Syr описывают данный акт как два действия. Соответственно:

L1: retraxit digitum suum ad se ipsum et induxit super extremum favi quod prospicit ad occasum (“потянул свой палец к себе и возложил на край сота, обращенный на запад”);

Syr: et traxit ad se portionem eius. Et rursus iterum extendit manum suam dextram et tetigit digito suo latus favi occidentale; et, dum admovet eam ad se (“и потянул к себе его часть. И снова протянул свою правую руку и коснулся своим пальцем западного края сота; и затем передвинул ее [правую руку] к себе”).

И если L1 еще можно понять в том смысле, что восточный край сота был наиболее удален от Человека, и он провел от него пальцем по направлению к себе, чтобы достигнуть западного края, то Syr, в совпадающих частях текстуально очень близкий L1, однозначно говорит о прикосновении к восточному и западному краям как об отдельных действиях. Таким образом, выясняется, что только такое понимание приемлемо для всех трех версий, если только мы не хотим а priori полностью исключить из рассмотрения Syr, формально древнейший свидетель текста (ок. 500 г. н. э.).

Итак, если Человек все же не проводит пальцем от края до края сота, то куда же он его тянет? Syr поясняет это: et traxit ad se portionem eius, т. е. он подтягивает к себе часть сота. Такое действие можно увидеть и в L1, и даже в Arm, если считать, что два действия – прикосновение и притягивание – контаминированы здесь в одно.

Аргументом в пользу вроде бы уникального рассказа Syr о притягивании края сота может служить несколько загадочное чтение единственной здесь греческой рукописи – G: “καὶ ἀπέλιπε τὸ κήριον τοῦ μέλιτος” (букв. “и выдавил медовый сот”). Мы полагаем, что в данном случае глагол ἀπέλιπε – *выдавил* – это искажение глагола ἀπέλασε – *оттянул*. Сходство начертания исключительно велико. Переписчик, не понимая смысла описываемых манипуляций, заменил непонятное *оттянул* на понятное *выдавил*, ведь из сота естественно выдавить мед, а не тянуть его за края.

Кроме того, тут ничего не говорится о *пути пальца*. Таким образом, после перекрестного допроса этих версий мы можем высказать предположение, что края сота *оттягивают* или *вытягивают*, т. е. меняют форму сота из податливого воска. К вероятной цели такого действия мы обратимся ниже. Здесь мы только обратим внимание на то, что в результате этих манипуляций сот был, видимо, “поврежден”, на нем появилась πλῆγή, т. е. *разрыв, надлом*, откуда вылетели особые крупные пчелы-царицы и к которому прикоснулся Человек, чтобы сот исчез в огне (16.19 и 17.3 см. Syr 16.19: e sectionibus quae fractae erant a viro ab ipso favo); см. текстологический аппарат к этим стихам.

Описание второго действия Человека после того, как он положил палец на северный край сота, тоже не дает однозначного ответа на вопрос о способе этого действия. Если Syr сохраняет здесь нарративную структуру предшествующего эпизода (двукратно повторяющееся “протянул руку – положил палец на край – притянул к себе – проступила кровь”), то оба латинских перевода (а d снова опускает весь пассаж) упрощают свою предыдущую схему: притягивание пальцем опускается, и действие приближается к схеме, которая регулярно повторяется в Arm. Глаголы, которые использованы в этом случае⁵⁹, не дают возможности восстановить картину происходящего, но выражение immisit digitum suum super partem... ad meridiem (“возложил свой палец на часть к югу”) в L1 ясно указывает на отдельное прикосновение пальцем к финальной точке, что говорит скорее о родстве L1 со схемой Syr.

Таким образом, оказываются возможны две реконструкции интересующего нас фрагмента.

Одна, вышеприведенная, была предложена с осторожностью Бурхардом и опирается в основе своей на чтения семьи ArmL2, предполагая большую краткость описания. Именно эта реконструкция создает движение пальца Человека от восточного края сота к западному и от северного – к южному. Все рукописные отличия от нее Бурхард вынужден объяснять позднейшими интерполяциями.

Между тем схождения не зависимых друг от друга Syr и L1 в описании движения пальцем “на себя” и отдельного прикосновения пальцем к южному краю и Syr и G – в описании подтягивания вещества сота придется относить в этом случае к интерполяции в протографе второй семьи, отличной от ArmL2. Однако на уровне сопоставления семей решающих или вообще сколько-то убедительных аргументов в пользу предпочтения в этом случае версии ArmL2 другой ветви выдвинуто не было.

Вторая реконструкция, предлагаемая нами также с осторожностью, подразумевает иной порядок действий, яснее всего выраженный в Syr. Схема действий в ней выглядеть может приблизительно так:

“И [вновь] простер Человек свою [правую] руку и наложил свой перст на край сота, [обращенный] на восток, [и потянул на себя, и положил перст на край, обращенный на запад]. И положил перст свой на край сота, [обращенный] на север, [и положил перст на край, обращенный на юг]”.

Открытым остается вопрос о частоте использования формулы “и потянул на себя”, приводимой в *Sug* четыре раза, а в других версиях – один, равно как и формул “и протянул свою руку”, которую *Sug* использует четырежды, а остальные версии – дважды, и “и след перста его стал как кровь”, употребляемую так же, но пропущенную в *Sug* после касания первого, восточного, края. При расширенной реконструкции отличия других версий объясняются типичным для рукописной традиции пропуском вводимого через “и” члена последовательности “и потянул на себя” в *Arm* L2 и, возможно, повторением некоторых членов в *Sug* (формулы “и протянул свою руку”, “и потянул на себя”, “и след его пальца стал как кровь”).

Признавая четырехкратные повторы, которые сохранились только в древнейшей традиции *Sug*, мы тем самым имплицитно предполагаем, что описываемых действия имеют ритуальный характер. Именно такие действия включают многократные повторения одних и тех же или сходных манипуляций, часто ориентированных по сторонам света, и именно их описание не может опускать повторы, не повредив всему делу. Но переписчик, который ритуала не знает, действий этих не понимает, легко пропустит повторяющиеся описания.

Конечно, для образа кровавой черты большое значение имело выражение ἡ ὁδὸς τοῦ δακτύλου – *путь перста*. Нам представляется, что *путь* пальца может быть и длинным, как черта, но и коротким, как след (ср. “тормозной путь”). Если провести мокрым или, скажем, окровавленным пальцем по чему-либо, то оставленный пальцем след будет иметь некоторую протяженность – от сантиметра до бесконечности – и в первом случае легко может быть назван *следом*. Интересно, что такую интерпретацию поддерживают независимые традиции, а именно *Sug*, где слово *путь* не фигурирует, но прикосновение оказывается за-

метным (et tetigit eum *visibilter* a latere eius orientali), т. е. оставляет *след*, и L2435&, где просто говорится о следе: *след перста стал как кровь* (vestigium digiti factum est velit sanguis).

В предлагаемой ниже реконструкции мы называем палец *указательным*, следуя при этом чтению двух независимых рукописей – В и *Arm*; почему мы приняли это чтение, станет ясно позднее.

Таким образом, данный эпизод может быть реконструирован несколько иначе. В фигурных скобках в переводе и в греческом тексте мы помещаем наши дополнительные по отношению к тексту Бурхарда реконструкции с опорой на его же критический аппарат.

Καὶ <πάλιν> ὁ ἄνθρωπος ἐξέτεινε τὴν χεῖρα αὐτοῦ <τὴν δεξιάν> καὶ ἐπέθηκε τὸν δάκτυλον αὐτοῦ {τὸν λιχανὸν} εἰς τὸ ἄκρον τοῦ κηρίου <τὸ βλέπον> κατὰ νατολάς <καὶ εἰλκυσε φρὸς αὐτὸν καὶ ἐπέθηκε τὸν δάκτυλον> ἐπὶ τὸ ἄκρον τὸ βλέπον κατὰ δυσμάς, καὶ ἡ ὁδὸς τοῦ δακτύλου αὐτοῦ ἐγένετο ὡς αἷμα. Καὶ ἐξέτεινε τὸ δεύτερον τὴν χεῖρα αὐτοῦ καὶ ἔθηκε τὸν δάκτυλον αὐτοῦ ἐπὶ τὸ ἄκρον τοῦ κηρίου <τὸ βλέπον> πρὸς βορρᾶν <καὶ εἰλκυσε φρὸς αὐτὸν καὶ ἐπέθηκε τὸν δάκτυλον> ἐπὶ τὸ ἄκρον τὸ βλέπον πρὸς μεσεμβρίαν, > καὶ ἡ ὁδὸς τοῦ δακτύλου <αὐτοῦ> ἐγένετο ὡς αἷμα.

“И [вновь] простер Человек свою [правую] руку и наложил свой перст {указательный} на край сота, [обращенный] на восток, [и потянул {на себя и положил перст} на край, обращенный на запад,] и след перста его был как кровь. И во второй раз простер он свою руку и положил свой перст на край сота, [обращенный] на север, [и потянул на {себя и положил перст на} край, обращенный на юг,] и след перста его был как кровь”.

Креста при этой реконструкции не существует, а странные манипуляции Человека, оставшиеся непонятными переписчикам и переводчикам и потому совершенно растворившиеся и редуцированные при многочисленных передачах, получают объяснение при анализе смысла настоящего эпизода, к которому мы и пристаем.

3. Медовый сот и храмовое жертвоприношение

Мы знаем теперь, что Человек не рисовал кровавый крест, но что он делал? Прежде всего надо понять, что такое этот медовый сот.

Начнем обсуждение деталей сцены с медовым сотом с того, на чем он лежит, – с “нового стола”. Мы полагаем, что акцент на его новизне имеет культовый смысл и говорит о том, что это не обычный стол, но жертвенник.

В центральной сцене Асенет предлагает придвинуть стол и принести из кладовой для гостя хлеба и вина “старого и доброго, от которого благоухание до неба восходит” (15.14). Уже в этих словах угощение, благоухание которого восходит к небу, напоминает о жертве. От начала Ветхого до Нового Завета проходит мотив теоксении: человек предлагает Богу (божественному посланнику) принять его угощение, называя его “хлебом” и часто упоминая вино, и всегда речь идет о благоухании, что означает: угощение представлено как жертвоприношение, поскольку воскурения традиционно сопровождают культовое действие⁶⁰.

Итак, Асенет отправляется в кладовую и приносит оттуда “новый стол”: “и поспешила Асенет, и поставила новый стол перед Человеком, и пошла принести ему хлеб” (16.1).

Можно было бы рассматривать эту деталь как бытовую: желая угостить небесного Человека, Асенет все хочет сделать самым лучшим образом и достает из кладовой новый стол. Рукописная традиция и здесь не единодушна. Новогреческая версия заменяет “новый” на “самый красивый”, следуя, видимо, как раз такой мысли о предоставлении гостю всего самого лучшего; несколько греческих рукописей (APW) и Agm называют стол “пустым”, однако здесь мы имеем дело с типичным византийским омофоном: *καλὴν* – *κενήν*.

Совершенно иначе выглядит “новый стол” в контексте религиозном. И дело не только в том, что кладовая – это не склад мебели. Новый стол предложения или новый жертвенник – актуальнейшая проблема, перед которой оказались евреи после того, как отвоевали Иерусалимский храм, оскверненный в период Антиоховых гонений. Золотой стол предложения, на который

возлагали жертвенные хлебы, был похищен, на жертвеннике устроен алтарь Зевса или водружена статуя языческого божества и приносились языческие жертвы (1 Макк 1:20-24, 29-35, 54, 59; 2 Макк 5:15 сл., 21, 6:1-7; Иосиф Флавий, Иудейские древности 12. 5. 4. 249 сл.). Оскверненный жертвенник разобрали и камни его сложили в особом месте до тех времен, когда явится пророк и скажет, что делать со святыми, но оскверненными камнями (1 Макк 4:43-46, 2 Макк 10:1-2). Вместо оскверненного жертвенника выстроили *новый*, *новой* была сделана и вся священная храмовая утварь, включая стол предложения (*καὶ ἐλοίψαν σκεύη ἅγια καὶνὰ*) (см. 1 Макк 4:47-49, 2 Макк 10:3-6). Когда все было готово, в течение восьми дней евреи справляли Освящение жертвенника (1 Макк 4:56, 2 Макк 1:18, 2:16), которое по-гречески именуется *ἐγκαίνισμός* (τοῦ θυσιαστηρίου), т. е. буквально “Обновление (жертвенника)”. Это и было праздником, закрепившимся в традиции как Ханука.

Однако легитимность нового жертвенника была под вопросом. Жертвенники Первого Храма и Храма Ездры освящались появлением на них божественного огня. Чтобы новый жертвенник получил ту же святость, что была у прежнего, требовалось знамение, огненное чудо. При Освящении Храма Соломона огонь сошел с неба и пожрал жертву (2 Пар 7:1-3). В Письме, приложенном к 2 Маккавейской книге, содержится история о том, как небесный огонь из Первого Храма был сохранен на время плена в колодце и “воскрешен” из “густой воды” (нефти) при жертвоприношении после плена на новом жертвеннике (2 Макк 1:18-22, 31-33). Если же говорить о более поздней ханукальной традиции, то и в ней память о торжестве обновления предстает как чудо неиссякаемого масла для светильников. Легенда выполнила ту же роль, что и история о схождении на жертвенник небесного огня⁶¹.

Между тем в ИА желанное самовозгорание происходит! Огонь вырывается из стола и поглощает сот полностью, жертва принята, в воздухе разлилось благоухание (17.3-4). Бог дает согласие на почитание его на этом жертвеннике. Таким образом, в конце мистериальной сцены происходит всеожжение (см., например, Лев 1:3-9, 6:9-15), причем такое, какое необходимо для

установления культа – с самовозгоранием жертвы: “И в третий раз простер Человек десницу и коснулся надлома на соте, и тут же из стола вырвалось пламя и поглотило сот, а столу не повредило” (17.3). Примечательно и указание на то, что огонь не повредил столу, оно также отсылает к древней иудейской традиции, сохраненной в Мишне (Мишна, Авот 5:5).

Одновременно происходит и жертва воскурения, в следующем стихе сказано: “И изошло от горящего сота благоухание великое и наполнило покой” (17.4). Впрочем, благоухание сопровождает всякую жертву (см. выше примеч. 60).

Жертве всесожжения, т. е. полному посвящению жертвы Господу, противоречит, однако, то, что от жертвы вкушают и жрец, которому уподоблен Человек, и приноситель жертвы, коему уподоблена Асенет: ведь это она приносит сот из своей кладовой и стоит слева⁶², как, по комментарию к Книге Левит, должен стоять тот, кто жертву не закалывает⁶³.

Как же разрешается противоречие между всесожжением и участием в жертвенной трапезе не только Человека, но и Асенет?

“И простер Человек свою правую руку и коснулся сота там, где отломил, и восстановился сот, и наполнился, и тотчас стал целым, каким был прежде” (16.16х). Таким образом, после трапезы сот оказывается снова целым, и когда он сгорает, то пламя поглощает его полностью.

Человек сам ест от сота, как “все ангелы Божии... все избранные Бога, и все сыны Всевышнего” (16.14). И это уже другое жертвоприношение, во время которого священник ест от жертвы и тем самым как бы участвует в трапезе с Богом. Священники имеют право прикасаться и есть от кровавых очистительных жертв за грех, и от повинных и хлебных (Лев 3; 4:1-12; 6:26; 2.1-13).

Человек также вкладывает мед и в уста Асенет. Вместе со священником в жертвенной трапезе участвует только тот, кто приносит жертву благодарности, так называемую “мирную жертву” (ср. мирная жертва в Лев. 7:11-17). Значит, перед нами и мирная жертва тоже.

Манипуляции, которые Человек совершает над сотом, в том виде, который был нами выше реконструирован, соотносятся с

названной выше очистительной жертвой за грех, которая многократно описывается в Книге Левит. Это описание и является ключевым для понимания действий Человека: священник обмакивает указательный палец в кровь жертвы и прикасается пальцем к четырем рогам жертвенника (Лев 4:6-7, 17-18, 25, 30, 34; 8:15; Исх 29:12; Иез. 45:19 и др.).

Лев 4:25 καὶ ἐπιθήσει ὁ ἱερεὺς ἀπὸ τοῦ αἵματος τοῦ τῆς ἁμαρτίας τῷ δακτύλῳ ἐπὶ τὰ κέρατα τοῦ θυσιαστηρίου τῶν ὀλοκαυτωμάτων· καὶ τὸ πᾶν αἷμα αὐτοῦ ἐκχεεῖ παρὰ τὴν βάσιν τοῦ θυσιαστηρίου τῶν ὀλοκαυτωμάτων.

Лев 4:25 ...и возьмет священник перстом своим крови от жертвы за грех и возложит на роги жертвенника всесожжения, а остальную кровь его выльет к подножию жертвенника всесожжения...

Лев 4:6-7 ...и омочит священник перст свой в кровь (καὶ βάψει ὁ ἱερεὺς τὸν δάκτυλον εἰς τὸ αἷμα) и покропит кровью семь раз пред Господом пред завесою святилища; и возложит священник крови [тельца] пред Господом на роги жертвенника благовонных курений (καὶ ἐπιθήσει ὁ ἱερεὺς ἀπὸ τοῦ αἵματος τοῦ μόσχου ἐπὶ τὰ κέρατα τοῦ θυσιαστηρίου τῶν θυσαμάτων), который в скинии собрания, а остальную кровь тельца выльет к подножию жертвенника всесожжения, который у входа скинии собрания...

Лев 4:18 καὶ ἀπὸ τοῦ αἵματος ἐπιθήσει ὁ ἱερεὺς ἐπὶ τὰ κέρατα τοῦ θυσιαστηρίου

...и возложит крови на роги жертвенника...

Теперь нам пригодятся и свидетельства двух рукописей об указательном пальце Человека. Дело в том, что священник делает все это указательным пальцем, и если основываться на ритуальной практике евреев, то верным будет именно такое чтение.

В тексте ИА сказано, что от пальца Человека след был *как кровь*. Не сказано, что это была действительно кровь⁶⁴. Тем самым действия Человека – это *как бы* действия священника, приносящего очистительную жертву.

Теперь мы поняли, что такое возлагать палец на края или стороны сота, ориентированные по сторонам света, и почему след от пальца был как кровь. Как известно, у жертвенника Иерусалимского храма были так называемые “рога”. Еврейским читателям ИА, видевшим богослужение, не составляло труда узнать помазание кровью рогов жертвенника в действиях Человека с сотом.

Облик Иерусалимского жертвенника сохраняла устная традиция, но к этому добавилась находка в Беер-Шеве жертвенника VIII в. до н. э. очень хорошей сохранности, которая избавляет от необходимости гадать, какими могли быть эти “рога”⁶⁵ (см. рис.). Жертвенник имеет четыре больших грубых, необработанных камня, заостренные кверху и стоящие по четырем углам. Представление о жертве, равной миру, древнее и широко распространенное, но и в явной форме раввинистическая традиция связывала эти рога с четырьмя сторонами света: жертва приносится за весь мир⁶⁶.

Заметим, что в L2435& палец Человека прикасается к *summitatem favi* или Он отводит его *ad summum favi*, что допустимо понимать как возвышающуюся часть. Конечно, жертвенник ориентирован по сторонам света, и не “рогами”, а “сторонами”: восточная сторона жертвенника Иерусалимского храма обращена ко входу на восток. При этом рога, расположенные по краям прямоугольного жертвенника, смотрят на северо-восток и северо-запад, юго-восток и юго-запад. Представить себе пространственно действия Человека не так просто.

Конечно, ничто не мешает мысленно положить *сот-жертву* на *новый стол-жертвенник*, ориентированный по сторонам света своими сторонами, не параллельно сторонам жертвенника, а так, что углы (а сот имеет четыре *τὸ ἄκρον* – края, вершины, мыса или угла) будут обращены на восток, запад, север и юг. Но, быть может, более реалистично было бы полагать, что автор повести не слишком задумывался над разницей востока и северо-востока и перед дилеммой точного мышления – какой из двух углов восточной стороны прямоугольника считать восточным – не пасовал, потому что не замечал ее вовсе.

Из жертвоприношений Иерусалимского храма остался только один вид, о котором еще не было речи. Это хлебы предложения,

Украшенный рогами алтарь из Беер-Шевы, VIII в. до н. э.

хлебная жертва. Мы полагаем, что еще одна часть таинственных действий Человека с сотом объясняется сопоставлением с изготовлением хлебов предложения.

Когда Человек тянет на себя края/углы сота, ориентированные по сторонам света, он придает соту форму жертвенника с “затранными” вверх углами или рогами. Подтягивая к себе углы сота, он формирует или даже формирует таким образом из медового сота модель жертвенника так же, как некогда в далекой древности сам жертвенник моделировался по образу жертв – тельцов с рогами (так называемые букрании).

Мы полагаем, что форма сота с загнутыми углами отвечала форме хлебов предложения, составлявших хлебную бескровную жертву, которая предшествовала жертве всесожжения (эти хлебы ели только священники и только в Храме).

Какой формы были 12 хлебов предложения, в ВЗ не сказано, мы знаем об этом из той традиции, которая была зафиксирована в Мишне (Менахот 11:4-5). А она сообщает, что хлебы предложения имели роги⁶⁷: два малых имели роги в четыре пальца, и десять больших – роги в семь пальцев. Описывается и то, как эти роги делались. Тесто кладут по ширине стола предложения и загибают края по две ладони с одной стороны и по две ладони с другой. Хотя не до конца ясно, имеет ли формирование рогов на хлебах отношение к загибанию ладоней, можно, тем не менее, сопоставить действия Человека и действия такого пекаря. Много позже Раши в комментарии к Исходу (25:29) высказывает мнение, что у хлебов предложения были “углы”, аналогичные, видимо, рогам жертвенника, а название хлебов *лехем ха-панним* (букв. “хлеб лиц”) интерпретирует как *лехем ха-панним* – “хлеб углов”.

Так что в каком-то смысле медовый сот изображает и хлеб предложения тоже, тем более что он именуется *сотом жизни* (16.14) и отождествляется затем с *хлебом жизни* (16.16, об этом см. ниже).

4. Сот и Тора

Мы видим, что с медовым сотом поступают так, как если бы лежащий на *новом столе* в башне-храме Асенет сот напоминал одновременно и о “кровавой” очистительной жертве за грех, от которой ест священник (кодеш), и о жертве всесожжения (кодеш кодашим), и о мирной жертве, и о благоуханной жертве воскурения, и о хлебной жертве. Наконец, жрец по функции – Человек представляет Бога, и Асенет разделяет трапезу с тем, кого сама затем называет Богом (“это Бог пришел ко мне”, 17.9): теоксения и жертвоприношение оказываются слиты, так же как в Книге Судей (13:15-23). Помимо уже названных видов жертвоприношений, автор, возможно, намекает также на посвящение Аарона и его сыновей (Лев 8:23-24), на освящение первого жертвенника

в Скинии (Лев 8:15) и в особенности на очищение жертвенника в День Очищения, Йом Киппур (Лев 16:18). Во всех этих случаях совершается помазание углов жертвенника кровью. На эти последние сближения нам указала Н.М. Киреева.

Набору ассоциаций с различными жертвами описанного в LXX культа отвечает и то, что медовый сот не равен самому себе. Это не “просто мед”, речь не идет о какой-то реальной субстанции. Медовый сот в ИА обладает всеми свойствами пищи волшебной: его вкушают небесные существа⁶⁸, он не убывает (см. о его “восстановлении” 16.16х), он дает бессмертие (см. предыдущее примечание) и преобразует вкусившего его⁶⁹, он чудесным образом появляется (Человек велит принести его из кладовой, где, по мнению Асенет, нет никакого сота, 16.1-10) и чудесным образом исчезает (17.3).

Когда Иосиф благословлял Асенет и просил Бога дать ей вкушать хлеб жизни и пить чашу благословения (8.11), можно было думать, что это вещи, так сказать, “отдельные”, что речь идет о присоединении египтянки к народу Израиля, после чего она сможет разделить хлеб и вино с евреями⁷⁰. Так можно было думать и тогда, когда Человек обещал Асенет, что она будет есть хлеб, пить чашу и умащаться умщением, которые дают жизнь, бессмертие и нетление (15.5). Но когда она уже вкусила пищу ангелов, то оказалось, что и хлеб, и чаша, и умщение – все это только разные имена медового сота, и, вкусив его, она приобщилась всему сразу: «И молвил Человек Асенет: “Се, вкусила ты хлеб жизни, и испила чашу бессмертия, и помазана ты помазанием нетления”» (16.16)⁷¹.

Такая “универсальность” более всего напоминает манну, о которой в Премудрости Соломона сказано, что она имела вкус, который подходил каждому человеку (16:20). И облик сота (“И был сот большим и белым, будто снег, и полным меда. И был мед этот как, роса небесная⁷², и дыхание его, как дыхание жизни”, 16.8), чего не могли не видеть все исследователи, оказывается подобен облику манны Исхода⁷³. Манна – белая, имеет вкус лепешки с медом⁷⁴ и похожа на иней или снег⁷⁵. Как и чудесный сот, манна является “пищей ангелов” и “хлебом небесным”⁷⁶. Заметим, что манна стала пищей евреев в пустыне в ситуации

исхода из Египта, но и Асенет тоже “покидает” языческий “Египет”, присоединяясь к народу Израиля.

Но манну не приносят в жертву – более того, и *всякий мед* Тора запрещает “сжигать в жертву Господу”⁷⁷.

У нас остается, однако, еще одна возможность понять “субстанцию”, вкушаемую Человеком и Асенет. Скажем так: она не вполне материальна.

В этой связи обращает на себя внимание то, как Асенет говорит о своей молитве: σοὶ προσφέρω τὴν δέησίν μου (“Тебе приношу мольбу мою”, 12.6). Глагол προσφέρω – *приносить* – в активном залоге встречается в LXX многократно и почти исключительно в одном контексте: *приносить жертву*. Это может быть тук, хлеб, кровь и вообще все дары Господу⁷⁸. О мольбе изредка говорится, что ее *изливают* [Пс 102:1 (101:1 LXX), 142:2 (141:3 LXX)], мольба сопровождает жертву, но не замещает ее. Есть только один текст, который говорит о “принесении мольбы”, – это так называемое Послание к Евреям.

Когда речь заходит о Гефсиманском молении Иисуса, Послание говорит так: “Он во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами *принес молитвы и моления* (δεήσεις τε καὶ ἱκετηρίας) могущему спасти Его от смерти” (5:7). Послание к Евреям содержит в себе, как известно, богословие жертвы, поэтому мы не думаем, что соединение термина для жертвоприношения с молитвой в данном случае случайно. Ниже мы возвратимся к важнейшему различию жертвы в ИА и Послании к Евреям, но пока нам важно отметить и сходство применения к *словам молитвы* термина для жертвоприношения, и исключительность этой метафоры.

Впрочем, спиритуализация богослужения в эту эпоху начинается сказываться в разных локусах, культурах и традициях. В отличие от ониатов, устроивших противостоящий Иерусалимскому реальный храм в Египте, кумраниты считали самих себя, свою общину духовным храмом. Этот духовный храм состоял из людей и назывался “святыице людей” (4QMidrEschat^a III 6-7). Молитва и хвала функционировали здесь как жертвоприношение.

Прежде всего в сцене из ИА важно, что сот исходит из уст Человека. Он создан словом? Или, может быть, словом и является? Ведь это слова исходят из уст. Причем и, так сказать,

“письменные”, поскольку мыслятся все равно произносимыми. Когда Бог наставляет Иисуса Навина, он говорит ему: “Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять все, что в ней написано” (Ис. Нав 1:8). Не от глаз не должна отходить или отстоять книга, как сказал бы современный человек, но от уст. Тора должна постоянно читаться вслух.

Метафора вкушения знания существует поныне. В Библии она выглядит очень конкретно: Бог говорит Иезекиилю: “сын человеческий! напитай чрево твое и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе; и я съел, и было в устах моих сладко, как мед” (3:3); ср. также: “И взял я книжку из руки Ангела и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем” (Откр 10:10).

Мед – известная Библии метафора речи: “приятная речь – соловый мед” (Притч 16:24), “Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим” (119:103, в LXX 118:103: “лучше меда и сота для уст моих”) и др. В Послании к Евреям говорится о “вкушении” дара небесного и θεοῦ ῥήμα, слова, глагола или повеления Бога (6:4-5).

Мед как образ речи, речи поэтической, вообще поэзии, конечно, не ограничен ВЗ, но присущ многим народам и является своего рода универсалией⁷⁹. Особенность библейской метафоры состоит в том, что она распространяется на письменный, а не только на устный текст. Кроме уже названных контекстов, можно указать на прославление Премудрости в Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова (24:21-27). Премудрость приглашает насыщаться мудростью, которая слаще “сота меда” (22); премудрость – это книги Завета Бога Всевышнего и Закон Моисея.

В постбиблейской иудейской традиции манна приравнивалась к Торе и Премудрости⁸⁰, и обе они дают жизнь⁸¹. Теперь мы снова возвратимся к соту на устах Асенет, чтобы сопоставить его с Притчами. Соображения Портье-Янг о том, что сладость сота – это символ божественного прощения, заботы и любви, мы хотели бы дополнить параллелью с Притчами (31:26)⁸². На наш взгляд, она проясняет то, что пчелы строят сот именно на устах Асенет. В Притчах речь идет о премудрой жене, являющей со-

бою воплощение “космической” Премудрости: “Когда откроет уста, там мудрость, и на языке ее – учение хеседа”⁸⁵. Итак, добродетельная или доблестная жена открывает уста “с мудростью”, и у нее на языке (или во рту) находится *торат-хесед* (טוֹרַת־חֶסֶד) – Тора хеседа, или “учение милости”. Мы полагаем, что автор ИА имел этот образ перед своим внутренним взором. *Тора* как учение и *хесед* как милость – то и другое устойчиво передается метафорой меда, ну а мед на устах говорит о Торе и о *хеседе* Торы.

Таким образом, мы приходим к мысли, что сот, как лежащий на столе, так и оказавшийся на устах Асенет, символизирует Тору, но вместе с тем и “умную жертву”, жертву не только бескровную, но и бестелесную, жертву слов⁸³.

Мы полагаем также, что о *жертве слов* говорит выражение “сот пчелы”. Фрагмент 16.1-11 переведен нами выше согласно еще одной нашей реконструкции, которую мы обосновываем в отдельной статье⁸⁴. Здесь мы кратко повторим свои соображения и выводы.

В упомянутом отрывке в нашем переводе чередуются выражения “сот медовый” и “сот пчелиный”. Рукописная традиция, как и традиция древних переводов этого места, чрезвычайно разноречива. Филоненко избрал для всех случаев сот меда, Бурхард предпочел *lectio difficilior*, *сот пчелы*, сохранив *сот меда* только в 16.11⁸⁵. Мы полагаем, что выбор одного из двух чтений не верен, что в тексте греческого оригинала должны были чередоваться оба выражения и что чередование это осмысленно. О *соте пчелы* (*пчел*) говорил Человек, а о *соте меда* – Асенет. Когда Человек просил принести *сот пчел*, Асенет отвечала, что у нее нет в кладовой *сота медового*, хотела послать за *сотом меда* в имение, но Человек настаивал, чтобы она шла в кладовую и обрела бы там *сот пчелиный*. Асенет увидела в кладовой удивительный белоснежный и благоуханный сот, она догадалась, что он изошел из уст Человека, сотворен словом.

Между тем *пчелы* и *слова* по-еврейски – омоформы, во множ. числе то и другое выглядит без огласовки как *dbrm*. Когда после эпизода с чудесными пчелами в золотых венцах, которые вылетают из сота, строят второй сот на устах Асенет, падают мертвыми, воскресают, часть уходит на небеса, часть в сад Асенет, –

когда после всех этих событий Человек говорит Асенет по-гречески: “Видела слова сии?” (17.1), то здесь, как считает М. Шнейдер, по-древнееврейски (арамейски) одновременно звучит и другой вопрос: “Видела этих пчел?”⁸⁶ Мы предполагаем, что эта игра присутствует и в способе называния сота попеременно *сотом пчел* и *сотом меда*. Человек предлагает Асенет принести Тору из кладовой святилища, а она собирается послать за медом в имение.

В случае чередования вместо монотонного девятикратного повторения на протяжении небольшого отрезка текста одного и того же выражения – “сот меда/пчелы”, которое встречается в этой форме чрезвычайно редко и в классической литературе, и в LXX (а в межзаветной литературе не встречается даже слово *сот*), плюс и еще восемь раз – *сот* просто или *сот жизни*, – вместо всего этого топтания на месте мы получаем сакральную игру слов, сакральную параномасию, которой и в целом отмечен апокриф, и тогда понимаем, что этот диалог изображает особый этап посвятельного ритуала, на котором мисту открывается значение особых слов и имен.

Переписчики и переводчики, “непосвященные”, не придавая никакого значения разным способам именованию сота в соседних предложениях, пользовались ими как полными синонимами и по своему усмотрению заменяли все на одно из них или произвольно их чередовали или даже сочетали (*favus vel mellis, vel apis*). От непонятой сакральной параномасии в тексте осталось только слепое пятно крайнего разнобоя рукописной традиции⁸⁷.

В НЗ, и, как кажется, только в нем, также встречается это словосочетание – *сот пчелы*. В описании трапезы воскресшего Иисуса с учениками *сот пчелы* (ἀπὸ μέλισσίου κηρίου или κηρίον), сохраненный в Textus receptus и скорее всего напрасно убранный из Евангелия от Луки (24:42) издателями критического текста, по нашему мнению, как и в ИА, символизирует священное Слово, Дух жизни, которым Иисус наделяет учеников.

После того как Иисус разделяет трапезу из рыбы и меда, уже в следующем стихе он напоминает о том, что надлежит исполниться всему, написанному о нем в законе, в пророках и псалмах, а еще в следующем Иисус “отверз им ум к уразумению Писаний”

(см. 24:44-45)⁸⁸. Мы полагаем, что переход от вкушения меда к постижению Писания такой же, как в апокрифе ИА, где героиня посвящается в мистерии Всевышнего, это та же образность и, возможно, та же игра на омонимии еврейского *dvgn*, которую мы предположили.

Во всяком случае, Афанасий Великий (или тот, кто писал под его именем) толковал это место сходным образом. Он задается вопросом, почему в Евангелии от Луки речь идет не о меде, а о соте пчелы. “Ведь бывает же сот без меда и мед без сота?” Ответ его состоит в том, что мед символизирует сладость Святого Духа, изливающийся на апостолов и всех верных, а восковой сот символизирует печать, которая дается крещением⁸⁹. Таким образом, он также понимает трапезу с *сотом пчелы* как посвящение и наделение учеников Святым Духом.

Почему, однако, жертва в мистериальной сцене ИА оказывается “неортодоксальной” – мед, который запрещено сжигать, но который воспламеняется, – а кроме того, многосоставной и противоречивой?⁹⁰ По-видимому, ответ на этот вопрос следует искать в характере самого сочинения. Оно не “еретическое”, не гетеродоксальное, а символическое. Описываемые действия приносящего жертву содержат аллюзии на разные жертвоприношения, но ни на какое реальное. И сама жертва отличается от какой-либо известной жертвы, совмещая в себе хлеб, вино, умощение, манну и мед – учение Торы.

Никакому жертвоприношению на земле и никакому вкушению ритуальной пищи на свете не отвечает то, что происходит в башне Асенет. Перед нами небесное, ангельское жертвоприношение, его смысловая, символическая насыщенность такова, что оно не вмещается в какие-либо культовые рамки, но превосходит их, как мессианская трапеза превосходит всякий пир.

Мессианская трапеза, или эсхатологическая, или апокалиптическая⁹¹, – это совместная трапеза человека и Бога (и Мессии). Насколько можно судить, впервые представление о “пире Мессии, народа и Бога” встречается в Кумранском “Тексте двух колонок” (иное название – “Дополнение к Уставу”, 1QSa 2:11-21). Идея мессианской трапезы основывается на пророчестве Исая (25:6): “И сделает Господь Саваоф на горе сей для всех народов

трапезу из тучных яств, трапезу из чистых вин, из тука костей и самых чистых вин”⁹². У эсхатологической трапезы спасенного человечества есть предшества в Исходе, когда принявшие десять заповедей старейшины народа приглашены Богом на пир (Исх 24:9-11); пир, который для всего мира задает Премудрость (Притч 9:2); еврейские толкователи Библии понимали как прообраз мессианской трапезы и сцену из Книги Руфь (2:14), где израильский князь Вооз сажает рядом с собой моавитянку Руфь и угощает ее из своих рук⁹³. Так поступает и Человек: «И простер Человек свою правую руку, и отломил малую часть от сота, и ел сам, а остаток ее вложил рукой своей в уста Асенет и сказал ей: “Ешь”. И она ела» (16.15). Эта сцена представляется перевернутым подобием той, в которой Ева угощает Адама от запретного древа: “и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел” (Быт 3:6)⁹⁴. Противопоставленная грехопадению сцена должна замкнуть круг истории.

Мессианской трапезой предстают все совместные с Иисусом трапезы, но особенно те, которых апостолы удостоились после воскресения Иисуса, во время одной вкушали хлеб, во время другой – печеную рыбу и “сотовый мед” (Лк 24:30 и 42)⁹⁵. Медовый сот в тексте Евангелия – это, как и в ИА, *сот пчелы*, а печеную рыбу иногда считают уже эсхатологической пищей, частично восходящей к идее о мессианском пире, на котором будет подана не просто рыба, а сам Левиафан, которым можно накормить всех или всех праведных в обновленном мире (2 Барух 29:1-4; 1 Енох 60:7-10, 24 и др.).

Когда апостолы узнали Иисуса “в преломлении хлеба”, он стал невидим для них (Лк 24:31). И Асенет тоже понимает, что с ней был Бог, когда ее сотрапезник исчезает, уходит “назад в небеса, в место свое” (17.9), и так ангелы, с которыми люди хотели разделить трапезу, взлетают с дымом и исчезают.

Приношение медового сота – жертва уже спасенного мира, совместная трапеза преображенного человека с Богом.

В Послании к Евреям также перечислены различные виды жертв, по-видимому, все, какие должны приноситься по закону священниками, а именно мирные жертвы (*θυσίας*), хлебные (*προσφοράς*), всесожжения (*ὄλοκαυτώματα*), жертвы за грех

(περὶ ἁμαρτίας). Эти жертвы – одни и те же, ежедневно и многократно приносимые священниками, никогда не могут истребить грехов. Все они, многочисленные и разнообразные, противопоставлены *одной жертве* – жертве самого себя, которая их заменяет и отменяет (Евр 9:28: οὕτως καὶ ὁ Χριστός, ἅλαξ προσενεχθεὶς εἰς τὸ πολλῶν ἀνενεγκεῖν ἁμαρτίας; “так и Христос, единожды принеся Себя в жертву, чтобы понести грехи многих...”). Христос страдал и, скончавшись (καὶ τελειωθεὶς), стал для всех людей причиной спасения (5:8-9); принеся одну жертву за чужие грехи, навсегда “воссел одесную Бога” (10:12).

Перевод τελειωθεὶς вызывает большие трудности. Обычно, исходя из значения глагола, страдательное аористное причастие передается как *достигший совершенства* или *приведенный к совершенству* (*совершившись* в Син.). Слова того же корня передают семантику достижения завершения, конца и последнего конца смерти, для τελευτάω – *умирать* является самым обычным значением. Вульгата и Vetus Latina передают эту форму одинаково: consummatus est, что также может быть понято как “был умерщвлен”⁹⁶. Но и семантика осуществления здесь также может присутствовать. Иисус становится жертвой, жертва должна быть совершенной, т. е. не иметь изъянов, и потому Иисус описывается и *по аналогии* с такой жертвой как совершенная, законченная жертва именно потому, что он отменяет все жертвы, соединяя их в себе.

Разница сверхжертвы в Послании к евреям и сверхжертвы в ИА тем более выпукла и очевидна, что и там и здесь присутствует идея замены всех разновидностей жертвоприношения, которым посвящены Книга Левит и многие стихи других книг Пятикнижия, одной жертвой, но жертвы эти разные: кровавая в одном случае и совершенно иная – в другом.

В ИА жертва не только не кровавая, она даже даровая, не добывается трудом (евреи не занимались пчеловодством, только бортничеством). Тора (“сот слов”) тоже дар с неба. Медовый сот создан словами, он вышел из уст Бога, дан по милости. Жертва не кровавая, а *как бы* кровавая. И крови не даром нет на этом соте. Идеи искупительной, а потому кровавой жертвы во искупление народа, людей в целом, ожидания крестной муки и воскресения

ния нет в этом сочинении. Асенет совершает покаяние, и она прощена, хотя описано это в “сильных выражениях” смерти язычника и рождения Дщери Всевышнего. В ее лице прощен и принят всякий, кто обратился к истинному Богу. И все будет хорошо. Автору неизвестна мысль о неизбежности крестной муки, а на медовом соте нет символа креста.

Помимо решения проблемы креста в иудео-эллинистическом произведении, наш анализ позволит увидеть в сцене с сотом сложную символическую систему, а не набор отдельных элементов каждый со своей этиологией или референцией, как это было до сих пор.

Таким образом, из многих загадок ИА по крайней мере одна загадка разгадана, и отсутствие креста отвечает настроению сочинения и семантике сакральной трапезы обращения. Идя от реконструкции запутанной текстовой традиции, мы приблизились к пониманию того, чем столь близкое христианству сочинение все-таки решительно от него отличается. Вот этим: на нем нет креста.

*P.S. Sitz im Leben?*⁹⁷

Теперь мы выскажем наши предположения о возможном Sitz im Leben символической повести “Иосиф и Асенет”. Мы следуем в этом гипотезе Г. Бохака и полагаем, что ИА представляет собою апологию иудейских поселений в Гелиопольском номе⁹⁸, хотя смысл и значение этой повести не ограничиваются ее апологетической задачей.

В еврейском поселении в Египте заброшенное египетское святилище было превращено в Храм Богу Израиля⁹⁹, там служил бежавший к Птолемею VI от убийц своего отца-первосвященника и от осквернителей Храма во время гонений Антиоха Эпифана сын Онии III – Ония IV¹⁰⁰. Как в Иерусалиме после осквернения Храма столкнулись с необходимостью получить знамение – согласие на возобновление жертвоприношений, так и в Египте, где языческий храм был “перепрофилирован”, была нужда в освящении Храма свыше. Поэтому рассказ о том, как Бог приходит в очищенный от статуй богов и жертв идолам Храм-баш-

ню, о пламени, вырвавшемся из стола и поглотившем жертву, становится в один ряд с упомянутыми выше рассказами о божественном присутствии в Храме Соломона и нисхождении огня на жертвенник, о преемстве огня Первого и Второго Храма или о самовозгорании ханукальных свеч.

Мы полагаем также, что надежда на воцарение Бога над Градом убежища в недалеком будущем и без предшествующей этому искупительной жертвы могла возникнуть у автора ИА как апологета общины храма Онии. В Пятой Сивиллиной книге, созданной в Египте уже после разрушения и Иерусалимского, и Гелиопольского храмов, Сивилла предсказывает возведение в Египте великого храма Богу, куда понесет жертвы “созданный Богом народ”. Этому народу Бог даровал “жить нетленно” (502-503)¹⁰¹. Как бы ни понимать это выражение, оно относится к необычайной надежде, “надежде, полной бессмертия”, как говорит автор Премудрости Соломона (3:4). Далее Сивилла сообщает о бедствиях, которые обрушатся на эту землю за то, что “не уберегли то, что Бог дал в залог” (510-511). Эти упреки относятся уже ко времени после разрушения египетского храма Онии.

В период, когда община, избежавшая ужасов гражданской войны и преследований Антиоха, была полна неслыханных надежд и не просто на собственное благополучие, но на высочайшую свою миссию по спасению человечества, в этот период и могла быть создана повесть об Иосифе и Асенет. Как известно, Ония и его соратники отправились в Египет не просто, спасая свою жизнь, но, по словам Иосифа Флавия, во исполнение пророчества Исаяи¹⁰², в котором под Ассирией разумели Сирию, а под Ханаанским языком – арамейский. Вот это пророчество, вдохновившее Онию и, возможно, автора ИА:

Ис 19:18-25: “В тот день пять городов в земле Египетской будут говорить языком Ханаанским и клясться Господом Саваофом; один назовется городом *солнца*. В тот день жертвенник Господу будет посреди земли Египетской, и памятник Господу – у пределов ее. И будет он знамением и свидетельством о Господе Саваофе в земле Египетской, потому что они воззовут к Господу по причине притеснителей, и Он пошлет им спасителя и заступника, и избавит их. И Господь

явит Себя в Египте; и Египтяне в тот день познают Господа и принесут жертвы и дары, и дадут обеты Господу, и исполнят. И поразит Господь Египет; поразит и исцелит; они обратятся к Господу, и Он услышит их, и исцелит их. В тот день из Египта в Ассирию будет большая дорога, и будет приходить Ассур в Египет, и Египтяне – в Ассирию; и Египтяне вместе с Ассириями будут служить Господу. В тот день Израиль будет третьим с Египтом и Ассириею; благословение будет посреди земли, которую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой – Египтяне, и дело рук Моих – Ассирияне, и наследие Мое – Израиль”.

Город Солнца – Гелиополь, но рукописная традиция и древние переводы в этом месте сильно разнятся. В LXX название города представляет собою транслитерацию еврейского слова: *πόλις-ασεδεμ* (*полис-ха-цадек*), что в переводе с “греко-еврейского” означает “город праведности”¹⁰³. Мы не можем сказать, кто внес в текст LXX такое эсхатологическое название, и существовало ли уже это чтение в LXX, когда Ония решил последовать пророчеству Исаяи. Но сами названия города, куда он отправился, выстраиваются в некий связный текст. Египетское название Гелиополя – *Он* – созвучно имени Онии¹⁰⁴; *Гелиополь*, город Солнца, по-гречески обладает утопическими коннотациями, *город праведности* по “греко-еврейски” отсылает к древней части пророчества Исаяи [Ис 1:26, LXX: κληθήσῃ Πόλις δικαιοσύνης, μητρόπολις πιστῆ Σιών – “ты будешь зваться город праведности, столица (город-мать) верная Сион”].

Обращал ли внимание Ония на эту совокупность имен-символов, мы не знаем, но исторические факты таковы: Ония отправился в Гелиополь, чтобы создать там город праведности в противоположность раздираемому гражданской смутой Иерусалиму, а египетский *Он*, т. е. Гелиополь, в греческих источниках стал смешиваться с городом *Онии*.

Первый этап мироустроительного плана, во исполнение которого Ония бежал в Египет, осуществился очень удачно. Птолемей VI выделил землю для поселения¹⁰⁵ и в своих собственных видах был благосклонен к Онии, как и его преемники – к сыновьям Онии, которые занимали высокое положение при дворе и

были военачальниками египетских царей¹⁰⁶. Удалось отстроить и богато украсить Храм¹⁰⁷, где богослужение совершал законный первосвященник и сын первосвященника.

Об иудейской общине в земле Онии, видимо, в силу направленной *damnatio memoriae*, известно мало, хотя она просуществовала достаточно долго – с середины II в. до н. э. по 73 г. н. э.¹⁰⁸. Для всей египетской диаспоры естественным идеалом и образцом служил Иосиф Прекрасный – визирь фараона, первый его советник, второй человек в Египте, который смог оказаться спасителем, мессией для Израиля: когда настали семь тощих годов, он приютил Израиль в Египте, дал ему место для поселения, для *убежища*. Тем естественней предположить такое же к нему отношение у ониатов. Вся история Иосифа и Асенет получает прообразовательный смысл по отношению к созданию храма и общины в “земле Онии”, недаром столько раз упоминается в повести наследственный надел, *клерономия*, Асенет. Упомянув клерономию как приданое, полученное Иосифом за Асенет, ониаты должны были иметь в виду исконность своих владений в Египте.

Иосиф Прекрасный в ИА – царственный победитель, а в другой традиции, в “Завещании XII патриархов”, в Кумране и раввинистических сочинениях Иосиф – невинный страдалец и жертва, от которого не остается ни царства, ни потомства¹⁰⁹, тогда как Иуда – царь, и Давид – его потомок¹¹⁰. В ИА Иосиф, напротив, – Мессия и царь Египта долгие 48 лет. В этой связи можно было бы обратить внимание на скромное место Иуды среди сыновей Иакова в повествовании ИА. По Книге Бытия этот предок Давида, среди потомков которого растворились впоследствии все колена, получает от Иакова первородство вопреки старшинству (49:8-12). Но в ИА он упоминается всего однажды при перечислении сыновей Лии, причем не на почтенном первом месте, а на том, какое ему причитается по порядку рождения: “Рувим и Симеон, Левий и Иуда, Исахар и Завулон” (27.6). Автор ИА словно не знает стихов Книги Бытия, где Иуда получает от Иакова первородство, воинское и царское достоинство. И от колен Израиля после плена осталось практически только Иудино (помимо, разумеется, священнического колена Левия).

В Иерусалиме середины II в. величайший герой носит имя Иуда, это Иуда Маккавей – победитель, защитник, восстановивший независимость Иудеи. Маккавейские книги насыщены реминисценциями, которые должны представить Иуду новым Давидом, основателем царской династии, подчеркнуть в нем царское достоинство. Иосиф из ИА не противопоставлен Иуде, но он его как бы не замечает, потому что занимает ту же позицию на символической доске, он – избавитель Израиля и царь Египта. Иосифа страдальца, прообраза и предка Страдающего Мессии, нет в символическом арсенале автора повести по той же причине, по которой на соте нет креста. А есть лишь четыре стороны сота-света, символизирующие космический масштаб описываемого события.

Апология схизматического храма перестала быть актуальна для читателей вместе с окончанием истории гелиопольского анклава в 73 г. н. э., а повесть продолжали читать и переписывать ради нее самой.

- 1 Сокращенный примерно вдвое вариант этой работы опубликован в сб.: Четыре стороны сота // *Gaudeamus igitur*: Сб. статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.М. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Т.В. Цецхладзе. М., 2010. С. 71–88.
- 2 *Joseph und Aseneth* / Hrsg. von Ch. Burchard mit Unterstützung von C. Burfeind und U.B. Fink. Leiden, 2003. S. 1–9; *Burchard Ch. Joseph and Aseneth: A New Translation and Introduction* // *The Old Testament Pseudepigrapha* / Ed. J.H. Charleworth. N. Y., 1985. Vol. 2. P. 178–179.
- 3 *Burchard Ch. Joseph and Aseneth*. S. 197; *Burchard Ch. Der jüdische Asenethroman und seine Nachwirkung*. Von Egeria zu Anna Katharina Emmerick oder von Moses aus Aggel zu Karl Kerényi // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. 1987. II. 20. S. 581–588; *Joseph und Aseneth* / Hrsg. von Ch. Burchard... S. 11.
- 4 Это “девы в башне” – жития и мученичества Ирины, Варвары и Христины; Батиффоль считал их повлиявшими на ИА (*Batiffol P. Le Livre de la Prière d'Aseneth* // *Studia Patristica: Études d'ancienne littérature chrétienne*. P., 1889–1890. I–II. P. 25), но в настоящее время, за одним исключением (*Kraemer R.Sh. When Aseneth Met Joseph: A Late Antique Tale of the Biblical Patriarch and his Egyptian Wife Reconsidered*. Oxford, 1998. P. 235–239), господствует представление об обратном влиянии (*Philonenko M. Joseph et Aséneth: Introduction, Texte critique, Traduction, et Notes*. Leiden, 1968. P. 110–117; *Burchard Ch. Gesammelte*

- Studien zu Joseph und Aseneth (Studia in Veteris Testamenti Pseudepigrapha 13). Leiden, 1996. S. 336–337); *Esbroeck M. van*. Review of Kraemer, Ross Shepard. When Aseneth Met Joseph. A Late Antique Tale of the Biblical Patriarch and his Egyptian Wife Reconsidered (Oxford, 1998) // *Христианский Восток. II (VIII)*. М., 2001. С. 452–454. Нами было высказано также предположение о влиянии ИА на “Житие и мученичество Галактиона и Эпистимы”, см.: *Аноним Миусский*. “Галактион и Епистима” и “Картина” Кебета: Житие как scriptio superior сократического диалога // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – X*. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского, 19–21 июня 2006 г. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб., 2006. С. 194.
- 5 См.: *Burchard Ch*. Der jüdische Asenethroman und seine Nachwirkung. P. 574–576. Первый издатель полного греческого текста и автор исследования П. Батиффоль считал, что Иосиф изображает Христа, а Асенет – Церковь (*Batiffol P*. Op. cit. P. 29).
- 6 The Storie of Asneth / Ed. A.P. Russell. Kalamazoo, 1991. Этой поэме посвящена диссертация, которая уделяет известное внимание и греческому источнику: *Reid H.A.* ‘this was here procreation’: The Storie of Asneth and spiritual marriage in the Middle Ages [MA, University of Victoria (Canada), 2003].
- 7 *Burchard Ch*. Der jüdische Asenethroman und seine Nachwirkung. S. 543–667.
- 8 *Batiffol P*. Op. cit. P. 1–115.
- 9 *Brooks E.W.* Joseph and Asenath // *Translations of Early Documents*, 2. L., 1918.
- 10 *Batiffol P*. Review of *Apocrypha Anecdota II* (Texts and Studies, 5,1) by M.R. James // *Revue biblique*. 1898. N 7. P. 302–304.
- 11 См.: *Chesnutt R.D.* From Death to Life: Conversion in Joseph and Aseneth // *Journal for the Study of the Pseudepigrapha. Supplement Series*, 16. Sheffield, 1995. P. 26.
- 12 *Riessler P*. Joseph und Aseneth: Eine altjüdische Erzählung // *Theologische Quartalschrift*. 1922. N 103. S. 1–22, 145–183.
- 13 *Aptowitz V*. Asenath, the Wife of Joseph: A Haggadic Literary-Historical Study // *Hebrew Union College Annual*. 1924. N I. P. 239–306.
- 14 *Delling G*. Einwirkungen der Sprache der Septuaginta in “Joseph und Aseneth” // *Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic and Roman Period*. 1978. N 9. P. 29–56.
- 15 *Aptowitz V*. Op. cit. P. 280–281; *Брагинская Н.В.* Полемика вокруг храма Онии и исправление пророчества: Исаия, 19:18 // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX*: материалы чтения, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского, 20–22 июня 2005 г. / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2005. С. 32–38.
- 16 Эти слова неотличимы на письме без огласовок. А.И. Шмаина-Великанова обнаружила еще несколько возможных этимологизаций имени героини, которые воплотились в сюжете существующей повести. Соответствующая работа пока не напечатана.
- 17 *Burchard Ch*. Joseph and Aseneth. P. 181.
- 18 *Kilpatrick G.D.* Living issues in biblical scholarship: the Last Supper // *Expository Times*. 1952–1953. N 64. P. 4–8; *Jeremias J.* The Last Supper // *Ibid*. P. 91–92; см. обзор работ, использующих ИА для изучения раннего христианства: *Chesnutt R.D.* Op. cit. P. 56–61.
- 19 См. обзор точек зрения на религиозный характер ИА: *Chesnutt R.D.* Op. cit. P. 20–64 и более поздние реплики: *Collins J.J.* Joseph and Aseneth: Jewish or Christian // *Journal for the Study of the Pseudepigrapha*. 2005. 14. 2. P. 97–112; Р.С. Кремер (*Kraemer R.Sh.* Op. cit.) отрицает существование еврейского апокрифа полностью, считая ИА христианским произведением, которое каким-то образом аккумулировало еврейские влияния; снова возвращаются к представлению о раннехристианском происхождении ИА М. Пенн и К. Якубовичи-Болдисор (*Penn M.* Identity, Transformation and Authorial Identification in Joseph and Aseneth // *JSP*. 2002. Vol. 13. 2. P. 171; *Iacobovici-Boldisor C.* Die urchristliche Mysterienkulte. Münster, 1997. S. 117–124).
- Можно думать, что известную роль в определении традиции, к которой принадлежит ИА, играет и та традиция, к которой относит себя исследователь культурно или профессионально. Представителей новозаветной науки больше интересуют те аспекты апокрифа, которые позволяют лучше понять новозаветные тексты, классики заняты вопросом жанра, сопоставлением с античным романом, израильские ученые или ученые с первым традиционным еврейским образованием видят ту погруженность ИА в еврейскую традицию, которая до последнего времени проходила мимо внимания европейских ученых.
- 20 Ἐγὼ εἶμι ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς – Я емь хлеб жизни.
- 21 Τὸ ποτήριον τῆς εὐλογίας ὃ εὐλογοῦμεν, οὐχὶ κοινωνία ἐστὶν τοῦ αἵματος τοῦ Χριστοῦ; τὸν ἄρτον ὃν κλύμεν, οὐχὶ κοινωνία τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ ἐστὶν – Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?
- 22 *Holtz T.* Christliche Interpolationen in Joseph und Aseneth // *Geschichte und Theologie des Urchristentums. Gesammelte Aufsätze* / Ed. E. Reinmuth and Ch. Wolff. Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament 57. Tübingen, 1991. S. 55–71.
- 23 См. целиком посвященный “христианизации” древних еврейских сочинений выпуск журнала: *Journal for the Study of Judaism*. 2001. 32.4 (ed. J.W. van Henten, B. Schaller).
- 24 Пс 78:24 (LXX 77:24).
- 25 Пс 78:25 (LXX 77:24).
- 26 Пс 127:2 (LXX 126:2).
- 27 Притч 4:17.
- 28 Ис 30:20 ἄρτον θλίψεως LXX.
- 29 Ос 9:4.
- 30 Пс 80: 5 (LXX 79:6).

- 31 Пс 116:13 (LXX 115:4).
 32 Авв 2:16.
 33 Иез 23:33.
 34 Ис 51:17, ср. 51:22.
 35 В покаянном псалме Асенет противопоставляет проходящие и тленные дары земного ее отца Пентефрея и нетленные и вечные дары наследия Господа (12.15). Мы полагаем, что речь тут идет о *дарах*, хотя такое чтение Бурхард помещает в аппарат, оставляя в тексте не вполне понятные “дома” отца и “дома наследия” Господа. Чтение “дары” поддерживает Суг и отдельные рукописи L2 (в частности, 436), а также поздняя, но сохранившая много древних чтений G (Joseph und Aseneth / Hrsg. von Ch. Burchard... S. 165).
 36 См.: La Bible. Ecrits intertestamentaires / Ed. d'A. Dupont-Sommer et M. Philonenko. P., 1987. P. 1864, 1882 (Bibliothèque de la Pléiade, 337).
 37 Ср. Письмо Аристея 227, *Zerbe G.M.* Non-Retaliatio in Early Jewish and New Testament Texts: Ethical Themes in Social Contexts. Sheffield, 1993; *Bolyki J.* “Never reply evil with evil”: Ethical interaction between the Joseph Story, the Novel Joseph and Aseneth, the New Testament and the Apocryphal Acts // Jerusalem, Alexandria, Rome. Studies in Ancient Cultural Interaction in Honour of A. Hilhorst / Eds. F.G. Martínez and G.P. Luttikhuisen. Supplementum to the Journal for the study of Judaism 82. Leiden; Boston, 2003. P. 41–53.
 38 15.7: “Многие племена, ко Господу Богу Всевышнему <обратившиеся>, в тебе найдут убежище, и многие народы, Господу Богу покорившиеся, под крылами твоими укроются, и кто во имя Обращения прилепился ко Господу Богу Всевышнему, те в стенах твоих спасены будут”. Здесь и далее используется перевод Н.В. Брагинской, М.С. Касьян, В.В. Пислякова и А.И. Шмаиной-Великановой, который публикуется выше.
 39 18.9-10: «И склонилась Асенет умыть лицо свое и в воде увидела его, и было оно, как солнце, а глаза ее – как восходящая денница, щеки ее – как поля Всевышнего, а румянец на щеках – как кровь сына человеческого, губы ее – как роза жизни, начавшая распускаться, а зубы ее – как воины, выстроенные к битве, волосы главы ее – как виноградная лоза рая Божия, обильная плодами своими, а шея ее – как кипарис прекрасный, груди же ее – как горы Бога Всевышнего. И как увидела себя в воде Асенет, изумилась увиденному, и возрадовалась великой радостью, и не умыла лица своего, сказавши: “Не смывать бы мне красоту эту великую”».
 40 Ср. превращение женщины в город в апокалипсисе 4 Ездры 10:25: “и вот лицо ее внезапно просияло, как молния, и облик ее затрепетал... и она вдруг издала громкий наводящий ужас вопль, так что земля содрогнулась от звука ее голоса, и вот она больше не казалась мне женщиной, но возводился город и на великих основаниях проявлялось место его”.
 41 *Франк-Каменецкий И.Г.* Женщина-город в библейской эсхатологии // С.Ф. Ольденбургу к 50-летию научной деятельности. Сб. статей. Л., 1934. С. 535–548; *Humphrey E.M.* The Ladies and the Cities: Transformation and Apocalyptic Identi-

- ty in Joseph and Aseneth, 4 Ezra, the Apocalypse and the Shepherd of Hermas (Journal for the Study of the Pseudepigrapha Supplement Series 17. Sheffield, 1995).
 42 *Bohak G.* Joseph and Aseneth and the Jewish Temple in Heliopolis (Early Judaism and Its Literature 10). Atlanta, 1996. P. 8–15.
 43 См. 16.22-23.
 44 *Batiffol P.* Le Livre de la Prière d'Aseneth. P. 29; *Brooks E.W.* Op. cit. P. xv.
 45 Бурхард излагает их точку зрения и присоединяется к ней в ранней работе: *Burchard Ch.* Untersuchungen zu Joseph und Aseneth: Überlieferung-Ortbestimmung. Tübingen, 1965. S. 129–130. Затем взгляды Бурхарда претерпели некоторое изменение, вместо акцента на обычной пище он заговорил о роли *благословения* хлеба, вина и масла: *Burchard Ch.* The Importance of Joseph and Aseneth for the Study of the New Testament: A general survey and a fresh look at the Lord's supper // Burchard Ch. & Burfeind C. Gesammelte Studien zu Joseph und Aseneth (Studia in veteris testamenti pseudepigrapha 13). Leiden, 1996. S. 270–280.
 46 См. эти взгляды в кратком изложении: *Portier-Young A.E.* Sweet Mercy Metropolis: Interpreting Aseneth's Honeycomb // Journal for the Study of the Pseudepigrapha. 2005. 14.2. P. 146–147.
 47 *Philonenko M.* Op. cit. P. 89–98.
 48 См. критику: *Burchard Ch.* Untersuchungen... S. 121–126; *Chesnutt R.D.* Op. cit.
 49 *Hubbard M.* Honey for Aseneth: Interpreting a Religious Symbol // Journal for the Study of the Pseudepigrapha. 1997. N 16. P. 97–110.
 50 См.: *Касьян М.С.* Пчелы для Асенет – жрецы, священники или ангелы? (К трактовке образа пчел и меда в Средиземноморской культуре) // Кентавр. 2005. № 2. С. 75–76; *Portier-Young A.E.* Op. cit. P. 142–143.
 51 *Lindars B.* Joseph and Asenath and the Eucharist // Scripture: Meaning and Method / Ed. V.P. Thompson. Hull, 1987. S. 181–199.
 52 *Bohak G.* Op. cit. P. 81–82.
 53 *Portier-Young A.E.* Op. cit. P. 133–157.
 54 Ср. Ис 1:26: κληθήσῃ Πόλις δικαιοσύνης, μητρόπολις πιστῆ Σιών – “буду звать тебя город праведности, город-мать, верная Сион”.
 55 Ср. Пс 19 (18 LXX):9-10 (Суды Господни истина, все праведны; они возжеленнее золота и даже множества золота чистого, *слаще меда и капель сота*); Пс 119 (118):103 (Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим); Премудрость приравнивает мед к мудрости для души (Прем 24:13-14).
 56 *Philonenko M.* Op. cit. P. 188.
 57 Joseph und Aseneth / Hrsg. von Ch. Burchard... S. 260.
 58 См.: Ibid. S. 9–34; обозначения рукописей и версий ИА по изданию Бурхарда см.: Ibid. S. 2–8.
 59 К тем, что уже были использованы, в 435& добавлен reduxit.
 60 Быт 8:20-21 (Ной), 18:4-6 (Авраам), Суд 6:17-24 (Гидеон), Суд 13:19-21 (Маной), Исх 29:18 и далее в Книге Левит и Второзаконии постоянно повторяется выражение о жертве как приятном благоухании.

- 61 См. описание ханукального чуда в барайте к Мегиллат Та'анит и детали в Шаб. 21b и ТВ: Шаб. 21–23 и в Антиоховом свитке, произведении конца I – начала II в. н. э., излагающем эпизоды Маккавейского восстания и истории династии Хасмонеев.
- 62 16.17x: “А Асенет стояла слева от него и видела все, что делал Человек”.
- 63 См.: Левит Рабба на Лев 7:30.
- 64 О том, что крови быть и *не должно*, мы скажем ниже.
- 65 Aharoni Y. The Horned Altar of Beer-sheba // *Biblical Archeologist*. 1974. V. 37. P. 2–6; Yadin Y. Beer-sheba: The High Place Destroyed by King Josiah // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1976. V. 222. P. 5–17.
- 66 См., например: Мидраш Рабба Двенадцать пророков на Захарию 1:8, а также 6:1-3.
- 67 Известно, что хлебы и булки, приносимые в жертву, иногда имеют форму животных как замещающие кровавое жертвоприношение, в быту они сохраняются как пряники в виде зверей или булки “жаворонки”.
- 68 16.14: “И все ангелы Божии едят от этого сота, и все избранные Бога, и все сыны Всевышнего, ибо это сот жизни и всякий, кто ест от него, не умрет вовеки”.
- 69 16.16: “отныне плоть твоя процветет, как цвет жизни от земли Всевышнего, и кости твои утучнятся, как кедры рая радости Божия, и силы неиссякаемые окружают тебя, и молодость твоя старости не узрит, и красота твоя вовек не прейдет”. Это говорится рядом с пророчеством о превращении Асенет в Град убежища.
- 70 Впрочем, когда Иосиф называет себя “мужем благочестивым”, тем, кто “ест хлеб жизни, пьет чашу бессмертия и умащается умощением нетления” (8.5), то он описывает принадлежность к народу Израиля не просто через именованние чистой пищи, но символически, ведь умощение/помазание не является повседневным бытовым актом.
- 71 Как сообщает авторитетная библейская энциклопедия Anchor Bible Dictionary (s.v. Messianic Banquet), многие исследователи расценивают отсылки к хлебу, чаше (вину), умощению (маслу) и меду как отсылки к реальной ритуальной пище, “but the data are complex and subject to varying interpretations” (ср.: Burchard Ch. Joseph and Aseneth. P. 211–212, note i; *Idem*. The Importance of Joseph and Aseneth for the Study of the New Testament: A General Survey and a Fresh Look at the Lord’s Supper // *New Testament Studies*. 1987. Vol. 33. P. 113).
- 72 Манна выпадает с росой: Числ 11:9, а сот делают пчелы рая из росы: ИА 16.14; ср выражение “небесная роса” (Быт 27:28 и 39).
- 73 Aptowitz V. Op. cit. P. 282–283; Burchard Ch. Untersuchungen zu Joseph und Aseneth. S. 130; Philonenko M. Initiation et mystère dans Joseph et Aséneth // *Initiation: Contributions to the Theme of the Study-Conference of the International Association for the History of Religions Held at Strasbourg, September 17th to 22nd 1964* / Ed. C.J. Bleeker. Leiden, 1965. P. 152–153 и др.
- 74 Исх 16:31.

- 75 Исх 16:14; Прем 19:20.
- 76 Пс 77:24-25; 104:40 LXX, Прем 16:20.
- 77 Лев 2:11: Πάσαν θυσίαν, ἣν ἂν προσφέρητε κυρίῳ, οὐ ποιήσετε ζυμωτόν· τῶσαν γὰρ ζύμην καὶ πᾶν μέλι, οὐ προσοίσετε ἀπ’ αὐτοῦ καρπῶσαι κυρίῳ – “Никакого приношения хлебного, которое приносите Господу, не делайте квасного, ибо ни квасного, ни меду не должны вы сжигать в жертву Господу”. Правда, в ИА священник меда не сжигает, пламя вырывается из сота и *само* поглощает сот. Отношение к меду часто бывает “двойственным”, как и ко многим священным вещам. Мед – священная пища, даровая, небесная, но и запретная. Так и в Апостольских постановлениях есть одновременно и упоминание причащения медом, и запрет приносить мед в жертву, что, возможно, косвенно говорит о бытовании такого обычая.
- 78 Более сложное метафорическое значение этого глагола – в Евангелии от Иоанна (16:2): “Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу”, букв. “приносит службу Богу” – λατρεῖαν προσφέρειν τῷ θεῷ.
- 79 Касьян М.С. Пчелы для Асенет... С. 75–76.
- 80 Borgen P. Bread from Heaven: An Exegetical Study of the Concept Manna in the Gospel of John and the Writings of Philo. Leiden, 1965. P. 2, 14–15, 101–102, 114, 118–120, 139–140, 147–150.
- 81 Sandelin K.-G. A Wisdom Meal in the Romance of Joseph and Aseneth // *Wisdom as Nourisher: A Study of an Old Testament Theme, its Development Within Early Judaism and its Impact on Early Christianity* / Ed. K.-G. Sandelin. Ebo, 1986. P. 152–157.
- 82 В LXX этот стих переведен дважды с вариациями (31:25, 28).
- 83 После разрушения Храма вся религиозная жизнь иудаизма сосредоточивается на двух предположительно представленных в нашем тексте аспектах: на трапезе (шире – повседневной жизни) и изучении Торы. Изучение того, как происходило жертвоприношение, заменяет само жертвоприношение, а сакральность домашней трапезы возводится в ранг храмового служения. В идеях и образах автора ИА можно усмотреть раннее предшествование подобных мыслей, как возникали они задолго до Мишны и у кумранитов. Хотя кумраниты намерены были восстановить в Иерусалиме правильные жертвоприношения по правильному календарю, тем не менее их практика бескровных жертв и жизни по Торе как богослужения предвосхищала идеи позднейшего иудаизма и имеет точки соприкосновения с образом жертвы, представленным в ИА.
- 84 См.: Брагинская Н.В. О чем говорили небесный вестник и Асенет? // *Дар и крест. Памяти Н.Л. Трауберг*. СПб., 2010. С. 253–282.
- 85 Burchard Ch. Joseph and Aseneth // *Unterweisung in erzählender Form* / Ed. by W.G. Kümmel. Gütersloh, 1983. S. 679; выражение “сот меда” Бурхард находит более обычным, хотя норма эта скорее всего взята из современных языков, поскольку в греческих источниках “сот меда” тоже не слишком популярное выражение и встречается всего несколько раз у византийских писателей

- (см., например: Gr. Nys. De tridui inter mortem et resurrectionem domini nostri Jesu 9.306.4; Jo. Chrys. Synopsis scripturae sacrae 56.339.46; Psell. Poemata 23.226; Jo. Zonaras Epitome historiarum 1.87.3; 1.74.12; Severianus, In Genesisim 56.521.49). Бурхард избирает “сот пчелы” как более трудное, тем самым предпочтительное и более древнее чтение, так что даже предлагает замену “сота меда” на “сот пчелы” и в том единственном случае, когда он сам, отступив перед согласием традиции, сохранил в реплике именно Асенет чтение “сот меда”.
- 86 Соответствующий доклад был сделан М. Шнейдером на конференции Сефера в Москве (*Шнейдер М.* Инициация и небесный мед в Повести об Иосифе и Асенет // Двенадцатая ежегодная международная конференция по иудаике 1–3 февраля 2005 г.).
- 87 См.: Joseph und Aseneth / Hrsg. von Ch. Burchard... S. 202–207. По мнению Бурхарда, “сот пчелы” в целом подтверждают EFWL2(671)cArm, а “сот меда” – G(Syr)LIRumdPhila. Разной традиции обычно объясняется синонимичностью выражений и близостью написания μελιτος / μελισσης.
- 88 Связь *просветления*, физического или умственного, с медом засвидетельствована в единственном упоминании в Библии о вкушении меда в прямом, а не метафорическом смысле: Ионафан, истощенный голодом, полакомился диким медом, “и просветлели глаза его” (1 Сам = 1 Цар 14:27).
- 89 Афанасий Великий, Речи и толкования притч Святого Евангелия 28.728.16–30.
- 90 Мы не стали углубляться в полемику ученых о том, является ли этот мед манной или просто медом или пищей иницируемого и т. д. Однозначное определение символического объекта есть *contradictio in adjecto*. В статье, специально посвященной “меду для Асенет”, автор, соглашаясь на отсылку к манне, связывает пищу Асенет с тем, что мед был пищей новорожденных, а новорожденный понимался, причем в мистериальном контексте, как новорожденный (*Hubbard M.* Op. cit. P. 97–110). Мы видим здесь еще одну попытку определить символ, аккумулирующий разные смыслы, как-нибудь однозначно.
- 91 См. об этих названиях в статье *Messianic Banquet* в *Anchor Bible Dictionary*..., где в частности обсуждаемая сцена приведена в пример мессианской трапезы.
- 92 Об этом пире всех народов с праотцами иудеев говорит Иисус в Евангелии от Матфея (8:11): “Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном”.
- 93 Рут Рабба XXX i 1. См. также: *Neusner J.* The Mother of the Messiah: Book of Ruth. Harrisburg PA, 1993. P. 89–96.
- 94 Ср.: *Kraemer R.* When Aseneth Met Joseph. P. 41, 65–66.
- 95 Как уже было сказано выше (примеч. 91), упоминание меда наряду с рыбой засвидетельствовано в надежной и древней традиции, независимых источниках и древних переводах; современные переводы частью следуют одной, частью другой традиции.
- 96 Так латинский перевод передает и последние слова Иисуса в Евангелии от Иоанна (19:30): Τετέλειотται – consummatum est, в переводах, как правило: “Свершилось!” Но в обыденной речи это может значить: “Все кончено”.
- 97 Двое из соавторов настоящей статьи – Н.В. Брагинская и А.И. Шмаина-Великанова – разделяют изложенные ниже гипотезы.
- 98 См.: *Bohak G.* Op. cit.; см. также: *Брагинская Н.В.* “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 73–96; *Она же.* “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа. Часть 2 // Вестник древней истории. 2007. № 1. С. 32–75. Отнесение общины к Леонтополю, не крупному известному городу, а некоему другому Леонтополю в Гелиопольском номе, распространено в научной литературе, так же как и смешение неведомого Гелиопольского Леонтополя с большим и прославленным Леонтополем (совр. Тель эль-Мукдам). Леонтополь как место, где обосновался Ония, “взят” из подложного письма Птолемея, приведенного у Иосифа Флавия (Иудейские древности 13. 3. 2. 70), во других местах у Флавия фигурирует только Гелиополь и Гелиопольский ном. Искажение могло возникнуть в этом месте текста даже как ошибка не автора, а переписчика при написании без словораздела и с артиклем: ΗΛΕΟΝΤΟΠΟΛΙΣ вместо ΗΛΙΟΠΟΛΙΣ. Тем удивительней, что и самая свежая книга о храме Онии говорит о Леонтополе: *Capponi L.* Il tempio di Leontopoli in Egitto: Identità politica e religiosa dei Giudei di Onia (c. 150 a.C-73 d.C.) (Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Pavia Pisa 118). 2007. О локализации храма Онии возле Гелиополя, который после персидского завоевания находился в упадке, см.: *Bohak G.* Op. cit. P. 27–30.
- 99 Иосиф Флавий, Иудейские древности 13.3.1.67.
- 100 Иосиф Флавий, Иудейская война 1. 1. 1. 32–33, Иудейские древности 12. 9. 7. 286–288, 20. 10. 1. 236; Иероним, Комментарий на Дан 3.11.14.
- 101 Издатели исправили греческий текст, сочтя подобную надежду нелепой: “нетленный Бог поселил” – так выглядит текст в изданиях Оракулов со времен Геффкена и Виламовица. Стоит заметить, что авторы русского перевода не пошли за этими исправлениями: “Те, кому вечную жизнь Господь на земле уготовил”, см.: Книги Сивилл / Пер. с древнегреч. М. Витковской и В. Витковского. М., 1996. С. 92.
- 102 Иосиф Флавий, Иудейские древности 13. 3. 1. 64; 68; 2. 71, Иудейская война 7. 10. 3. 432.
- 103 О еще одном, масоретском, чтении данного места – “город разрушения” и возможных связях полемики различных толков книжников при помощи переделки текста пророчества и истории о переименовании Асенет-Руины в hАсенет-Крепость см. статью: *Брагинская Н.В.* Полемика вокруг храма Онии...
- 104 В “Географии” Птолемея (4. 5. 53) сказано, что в Гелиопольском номе столицей является город Гелиоса, или Онии. То есть географ, а за ним и другие авторы путают египетский город Он (Гелиополь) и город Онии.
- 105 Иосиф Флавий, Иудейская война 7. 10. 3. 430.
- 106 Иосиф Флавий, Иудейские древности 13. 10. 4. 285–7; Против Апиона 2. 49.
- 107 Иосиф Флавий, Иудейская война 7. 10. 3. 430.

- ¹⁰⁸ Иосиф Флавий, Иудейская война, VII. 10. 2. 421: “видя неизменную склонность иудеев к мятежу и опасаясь, как бы не собрались они снова все вместе и не привлекли еще и других на свою сторону, приказал Лупу разрушить храм иудеев в общине Онии” (пер. А. Вдовиченко).
- ¹⁰⁹ Завещание XII патриархов, Иосиф, 19. 12: “Моего же царства, которое в вас, не станет, словно сторожки в саду, что уничтожается по прошествии лета”. Ср. о Мессии “сын Иосифа” (страдающем Мессии) – ТВ Санх 98б, Пси. Р. 162б. См. также, например: *Sholem G. The Messianic Idea in Judaism* Shoken N. Y., 1971. Ch. 1: “Understand Jewish Messianism”.
- ¹¹⁰ Завещание XII патриархов, Иссахар 5.7.

СЕКВЕНЦИИ АДАМА СЕН-ВИКТОРСКОГО

М.Р. Ненарокова

СЕКВЕНЦИИ АДАМА СЕН-ВИКТОРСКОГО КАК ЧАСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ВИКТОРИНЦЕВ

ИМЯ АДАМА СЕН-ВИКТОРСКОГО, весьма талантливое поэта и композитора XII в., связано с созданием так называемой правильной секвенции, исполняющейся в центральной части латинской миссы. Сияние его славы оказалось, однако, так велико, что оно скрыло жизнь человека по имени Адам от людских глаз. Имя поэта редко появлялось в текстах его современников, хотя секвенции Адама исполнялись постоянно. В анонимной сен-викторской хронике конца XII в. он был назван учеником второго настоятеля монастыря Гильдуина (ум. 1155 г.)¹. Рикард Сен-Викторский (ум. 1175 г.), знаменитый мистик, принадлежавший к третьему поколению ученых викторинцев, цитируя одну из секвенций Адама, назвал его “выдающимся поэтом”, хотя и не упомянул его имени². XIII век оставил нам свидетельство о чуде, записанное доминиканцем Фомой из Кантимпрэ: «...досточтимый наставник Адам, каноник [монастыря] Сен-Виктор в Париже, в то время как он диктовал секвенцию “*Salve, Mater Salvatoris*”, произнес следующий стих песнопения, а именно: “*Salve, Mater Pietatis, / Et totius Trinitatis / Nobile Triclinium*”. Преславная Дева, явившись ему, и словно бы благодаря за хвалу и почесть, пока он размышлял, приветствуя его, склонила голову в глубочайшем смирении»³. Однако уже в XIV в. викторинец Гийом из Сен-Ло, желая написать биографию Адама, вынужден был прибегнуть к вымыслу⁴. Единственным